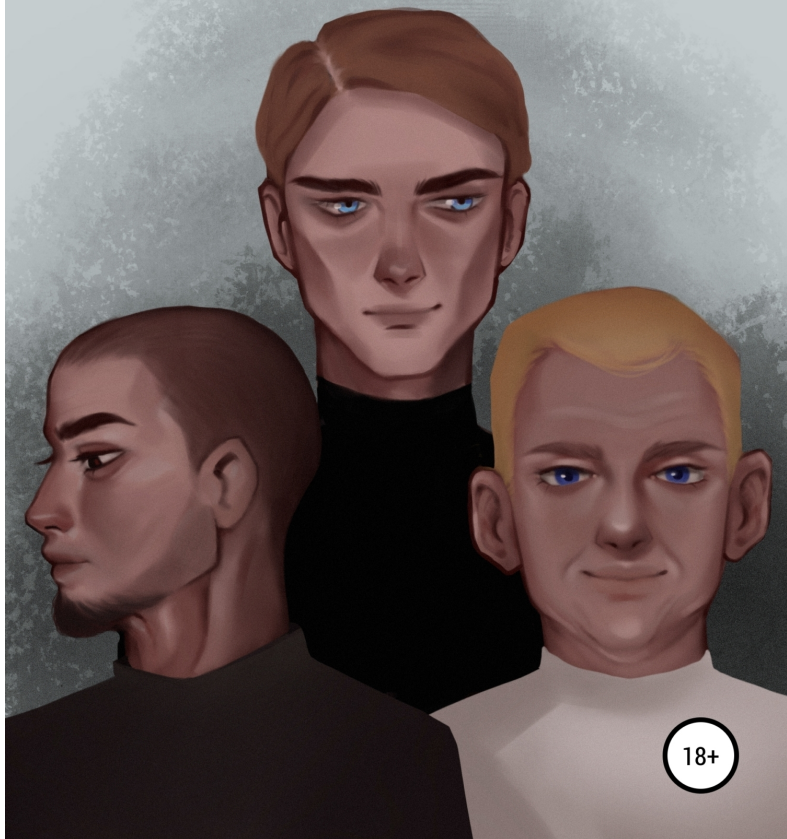

ГЕДОНИЗМ

Никита Тренклер

18+

Никита Тренклер

Гедонизм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64833108

SelfPub; 2021

Аннотация

Военный корреспондент Семён Апатов в отпуске. Сняв сюжет из протестующего греческого города, он переезжает на побережье. Но события приводят персонажа в больницу, где он обнаруживает себя полупарализованным. Что чувствует отчаявшийся человек? Чем определяется ценность человеческой жизни, и есть ли хотя бы одна причина, по которой нужно жить? Такие вопросы задаёт себе главный герой книги при очень странных, как будто повторяющихся обстоятельствах.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Пятнадцать лет назад	16
Глава 2. На койке	21
Глава 3. Исключительная потребность	28
Глава 4. Встреча трёх. Из дневника Апатова	41
Глава 5. К сожалению, не замечено	54
Глава 6. Только логика	62
Эпилог	80

Никита Тренклер

Гедонизм

Пролог

“Большинство людей в нашем мире совершенно не ценит жизнь”.

Джон Крамер, персонаж к/ф «Пила»

Был безоблачный вечер пятницы. Горячее греческое солнце уже почти село за нескончаемые холмы, сплошь усаженные оливками. От земли поднимался теплый приятный запах, а в кустах тихо трещала саранча. Ничто не предвещало беды.

Высокий мужчина тридцати двух лет с тёмными волосами и аккуратной бородой на подбородке, наконец, возвращался домой после суетливого дня. Его лицо с широким носом и высоким лбом, казалось, не выражало ничего. Чёрно-карие глаза его не блестели – это иногда бывает от большой моральной усталости. Впрочем, карие глаза мало что могут сказать о душе: они почти всегда грустны либо выражают что-то смутное и неясное.

Итак, высокий мужчина, наконец, возвращался домой после суетливого дня. Это был Семён Апатов. Медленно пере-

ставляя ноги, он выходил из небольшой машины и что-то говорил своей спутнице – смуглой кудрявой брюнетке, по всей видимости, проститутке. Они прошли на отгороженный участок большого бежевого дома и скрылись за входной дверью.

В прихожей, нежно поцеловав девушку в шею, Апатов чуть ли не на руках потащил её в спальню, где они провели около часа. Примерно так и проходили его дни – празднично, бесполезно, но приятно. А надо сказать, наш герой был большой охотник до приятностей. Но кто же такой этот герой?

Здесь всё довольно просто. Семён Апатов – военный корреспондент, весьма известный и успешный. По совместительству – бизнесмен: содержал небольшой винный магазин в Петербурге, куда осведомлённые зеваки приходили поглазеть на человека с экрана вживую. Удивительно, но Апатов, борясь с ленью, часто забегал в свой магазинчик и даже сам стоял за прилавком.

Однако на момент повествования наш герой был всего лишь беззаботным туристом. Закончив освещать протесты в Македонии, Апатов переехал на побережье, в один из укромных городков, и там проводил свой законный отпуск.

К тридцати годам, изрядно устав от шумного и злого комфорта мегаполисов, он по достоинству полюбил тихие южные деревеньки. Хотя, пожалуй, тихими их сложно назвать. С восьми часов вечера здесь постоянно ездили машины, полные пьяной кричащей молодежи. Такие-то машины нарушали спокойные прогулки вдоль ласкового моря. Громкая му-

зыка (неважно, были ли опущены стёкла в автомобиле), сотрясала низкими частотами землю, стены домов и, казалось, даже воздух.

Но не за спокойствие, которое здесь всё-таки витало, Апатову нравились греческие глубинки. Ему нравилась жизнь в этих местах. Нет, конечно, не его жизнь в богатых комнатах (хотя это тоже очень нравилось нашему герою), – ему нравилось независимое, бодрое, настоящее течение жизни местных людей. Когда Апатов просыпался с утра на пробежку, выходил на улицу, прохладно освещённую солнцем, эта улица уже была полна народу. Пожилой грек с седыми пышными усами открывал свой магазинчик, гордо называвшийся супермаркетом. Загорелая длинноногая женщина, блестящая от пота, уже возвращалась домой, вероятно, пробежав километров десять. Худошавый, почти коричневый мальчик вёл за руку младшую сестру, сжимавшую в руке пятиевровую бумажку, к магазинчику усатого грека...

Только днём улицы обезлюдевали и жизнь как бы прерывалась. Терпкий июльский зной – градусов сорок – опускался на мощёные дорожки, окна домов закрывались, наступала почти идеальная тишина. В такое время Апатов лениво качался в гамаке на террасе, запивая скуку местным недорогим вином. Мысли сами собой покидали его: думать было невозможно.

Где-то в шесть жара окончательно спадала. Термометр показывал около тридцати, что после дневного пекла прирав-

нивалось к прохладе. На пляж спешили туристы, а местные жители занимали извечные места в ближайших тавернах. Там они и сидели – до поздней ночи, за бутылкой ракии и ежечасно обновляющейся миской греческого салата.

В этот вечер всё было так же, как и всегда. Выпроводив из своих комнат женщину известной профессии, Апатов лениво потянулся. Захрустели позвонки.

– Хорошо-о! – протянул он и довольно улыбнулся. Добравшись до холодильника, взял холодную банку пива, оделся и вышел на террасу. Всё было как обычно: ресторанчики ломились от посетителей, люди в шортах и гавайских рубашках топтали променад. Горели рыжие изогнутые фонари, откуда-то издалека раздавались музыка и детский визг.

Апатов подумал, что было бы неплохо переехать сюда насовсем, когда ему будет семьдесят. «А что, и правда!» – рассмеялся он внезапной мысли. – «Буду сидеть в “Фете” с Джорджосом, играть в нарды, попивать ракию – что ещё нужно?» И тут его снова осенило: почему бы не пойти в «Фету» прямо сейчас? «Старина Гоша (таково было настоящее имя Джорджоса) точно там, снова просиживает штаны и печень», – решил Апатов и двинулся в сторону от пляжа.

«Фета» был одной из тех таверн, в которые невозможно попасть туристам. Невозможно по одной простой причине: все места в ней всегда заняты местными. Впрочем, заведение это и без того слишком отдалилось от туристических идеалов. Во-первых, оно находилось не на побережье. Во-вто-

рых, съестного в меню было, что называется, «раз, два, и обчёлся»: шаверма, которую здешние звали «гиросом», греческий салат и закуски. Всё остальное только пилося. В-третьих, единственное, что привлекало в «Фете», – это её гости. Тёмные, пузатые, старые, молодые, приземистые и рослые – каких только греков тут не было. Все они шумно что-то обсуждали, играли в шашки и плакото – те самые нарды, в которые Апатов хотел играть с приятелем Гошей-Джорджосом. В общем, скучно здесь никогда не бывало.

Поскольку сегодняшний день (как уже сказано), не стал исключением из греческого порядка вещей, в «Фете» жизнь кипела. Даже вслепую идя через тускло освещённые переулочки, Апатов мог найти таверну по громким и патетическим возгласам, выделявшимся из общего вечернего шума.

Спугнув облезлую кошку, наш герой вышел на дорогу, половину которой хозяева «Феты» заставили белыми столиками. Все места, конечно, были заняты весёлыми и хмельными греками. Кто-то опрокидывал рюмку, кто-то крутил чётки, кто-то громко разглагольствовал, хотя, в сущности, разглагольствовали-то все. Сразу было понятно, что они обсуждали – в последнее время только и говорили, что о македонских протестах.

Апатов, заметив Джорджоса, низкого, немного полного и светловолосого человека, направился прямо к его столику, за которым тот сидел вместе с шестью-семью здоровыми мужиками, горячо спорившими и голосившими.

– «Я сас»! – громко произнёс Апатов греческое «здорово».

Несколько человек, включая Джорджоса, что-то сказавшего своей компании, очень обрадовались появлению Апатова. Они повскакивали со стульев и с жаром начали жать руку пришедшему. Когда очередь дошла до Гоши, Апатов с хитрым, но добродушным видом отчеканил по-русски:

– И Лжеджорджосу долгих лет здравствования!

– Совсем не меняешься, Сёма, – со смехом ответил Джорджос, сжимая руку друга. – Спасибо хотя бы, что не как в прошлом году – как там было? «Джирджос»?

– А кто же?!

Оба они засмеялись и уселись на маленькие, неудобные стулья (каким-то чудом даже для Апатова нашёлся стул). Спор между местными продолжался с особенным запалом, несмотря на то, что его перебили.

– Что, мужики македонцам кости перемывают? – спросил Апатов у Джорджоса.

– Ага. Только теперь у нас тут и оппозиция появилась. Вон, видишь, рядом с Яннисом – вон он, лысый, – рядом с ним парнишка сидит? Николаос. Он и есть наша оппозиция.

– Что же, либеральничает?

– Не то слово. Говорит, раз македонцы хотят независимость, нужно им её «предоставить».

Апатов взглянул на юношу, сидящего рядом с лысым плечистым мужчиной. Тот горячился, размахивал руками и что-

то кричал своим мягким, молодым голосом. При каждом слове его верхняя губа так и прыгала, и вместе с ней дёргались чёрные тонкие усы, перетекавшие в густую козлиную бородку. Тёмные глаза его горели равнодушием и чуть ли не яростью.

Хотя Апатов не понимал Николаоса, он видел, что тот начинает путаться, всё явнее сдавая позиции. В конце концов, не так-то это просто – спорить с опытными и до невероятности объективными людьми.

– Про что он говорит? – шепнул Апатов Джорджосу.

– Про всякое. Ценность жизни провозглашает, только не правильную, а... Сейчас, сейчас, подожди-ка... Вот! Говорит, «власти бесчеловечны, ибо из-за них гибнут люди, имеющие право на жизнь».

Гоша улыбался, но в голосе его слышалось что-то неопределённое. Не печаль ли?

– Ценность жизни, значит... – вслух подумал Апатов и продолжил вяло вникать в то, что ему бормочет Джорджос.

– Слушай, а ты не можешь перевести, что я им скажу? – поразмыслив, спросил наш герой.

– Понятное дело, могу! Я тебе даже такое сообщу: ребята интересовались тобой недавно. Я проболтался, сказал, что один мой друг как раз в Македонии снимает. Они тут и спрашивали: когда он приедет, когда зайдёт. Так что с радостью... Кхм! – он громко прочистил горло и что-то сказал на греческом.

Все тут же устремили взгляды на Апатова, медленно тянущегося за долькой арбуза. Ни разу не сконфузившись, он положил дольку в рот и выплюнул семечки на белую шершавую тарелку.

– Давай, Сёма, я их заинтриговал, – мигнул Гоша Апатову.

Тот заговорил уверенно и спокойно, как будто тоже на греческом:

– Мой друг Джорджос, – лукаво глянул он на Гошу, – любезно объяснил мне суть вашего спора. Если я правильно понял, вы выясняете, верно ли поступают власти, подавляя протесты?

Апатов остановился, а Джорджос затараторил. Греки радостно заголосили, отвечая, что их «русский гость понял их правильно».

– Ну вот и славно, – улыбнулся Апатов и продолжил. – Я вам как раз расскажу одну историю.

Запинаясь, Джорджос начал переводить.

– Она произошла вот уже две недели назад, во всеми вами любимой Македонии... Я тогда бродил по Салоникам. Оператора с собой не взял: хотелось самому посмотреть, как люди бастуют. Сначала я всё ходил по маленьким улочкам. На них почти никого не было, и я даже думал пойти домой. Но о тут мне повезло, и я попал на какую-то площадь. На неё выходила широкая дорога, чуть ли не проспект. И с этой дороги на площадь двигалась целая толпа протестующих. Я решил подойти, разглядеть их, и, когда подошёл, увидел жен-

щину. Она стояла на выходе в площадь и держала ребёнка у груди... Чёрт её знает, зачем она там стояла. Может, поставили, а может – сама вышла. Бедность, голод, мало ли что. Может, и отчаявшись, – странно улыбнулся Апатов. – Стояла себе на проходе и с каким-то отстранённым видом ждала толпы. Будто это и не она там стояла, а кто-то другой. И тут случилось вот что.

Сперва с другого конца улицы пригрозили сиренами. Потом кто-то начал стрелять – не иначе полиция руку приложила. Толпу это, мягко говоря, испугало, и все как-то внезапно побежали. Началась давка, неразбериха, и вся эта демонстрация была готова ввалиться в площадь без задней мысли. А та женщина... она всё стояла, и хоть бы хны. А теперь хотите самое интересное? – Апатов окинул взглядом компанию за столом. – Я там стоял и думал: сейчас бы взять и спасти, вытолкнуть женщину из потока...

Знаете, что я сделал?

Апатов помолчал, ожидая, пока Джорджос переведёт. Публика, слушавшая и подсушивавшая, как будто замерла.

– А ничего я не сделал, – жутко улыбнулся Апатов, и, казалось, посмотрел всем в глаза одновременно. – Я бы успел, повстанцы бы и не коснулись меня. Но я даже не двинулся с места. Не из страха, нет, – из расчёта, из хладнокровной мысли. Знаете, что это за мысль? Не знаете... А мысль-то примитивная. Мы – никто, и женщина эта была никем, и ребёнок её – никто. Она – это беспомощность, это глупость и

неудача в одном лице. Она – это слабость, а толпа – это сила. Простейшая аналогия, простейшая! Она ведь как Македония, которая всё равно проиграет – не те силы. Государство победит, именно государство, потому что власть – это сила, сила руководящая, решающая.

Апатов перевёл дух. Все смотрели на него, как на помещанного, кроме юноши, которого Джорджос называл «оппозицией». Тот глядел как-то грустно и, похоже, хотел возразить, однако понимал, что это бесполезно.

– А с женщиной что случилось? – ошарашено спросил Гоша, забыв перевести вопрос для остальной компании.

– А что с женщиной? Растоптали женщину и ребёнка её, но это не беда. Это порядок вещей, и даже очень биологический. Сегодня эту песчинку сдуло, завтра, может, сдует меня, но это и хорошо. Это и есть порядок, по-другому никак. Это – жизнь, а жизнь, в сущности, не дороже смерти.

Гоша перевёл последние слова своего приятеля. Похоже, речь Апатова понравилась грекам. Они зашумели и одобрительно закивали, хотя было видно, что каждый по-своему понял такую философию. Только «оппозиция» с Джорджосом молчали, настороженно поглядывая в сторону говорившего.

Посидели ещё некоторое время. Апатов заказал себе пива, поговорил с Гошей о старине, сыграл в нарды с Яннисом и улучшил своё и без того отличное настроение раз в десять. Но часы отмерили полночь, и наш герой встал, попрощался со всеми и медленно удалился из «Феты». Джорджос прово-

дил его взглядом, вздохнул и тихо выговорил:

– Вот ведь, а...

Подумав, он тоже решил идти к дому – хотелось спать.

Почти у самого порога неокрепший взволнованный голос вдруг окликнул Гошу. «Оппозиция», – подумал он, оборачиваясь.

– Что такое? – спросил Джорджос по-гречески.

– Ваш друг... Ваш русский друг – он всегда был таким? – запинаясь, произнёс «оппозиция».

– Каким таким? – улыбнулся Джорджос.

– Разочарованным... Нет, не то слово. Он всегда был в отчаянии?

Гоша посмотрел на лицо «оппозиции» – оно было абсолютно серьезно, даже печально.

– Эх, Николаос... В какой-то момент наши с ним дорожки разошлись. Но человек он душевный, даже по-своему добрый, хотя и...

Юноша вздохнул и махнул рукой.

– Что, думаешь, я тебя не понял? – усмехнулся Гоша. – Понял, не сомневайся. Когда-то Сёма не был в отчаянии. Он был совсем другим. Вот, прямо как ты, был: тоже всё метался, думал, а до дела додуматься не мог. Хотя он и сейчас, видно, не может... Доброй ночи.

Сопроводив слова горькой улыбкой, Джорджос закрыл за собой дверь, оставив Николаоса-оппозицию размышлять одного под грязным оранжевым фонарём. Гудела саранча...

Апатов шёл по затихшим переулкам, переводя взгляд с одной стены на другую. В небе горели звёзды, но он не смотрел на них. Было скучно.

Дойдя до своего дома, он остановился на террасе и поглядел на море. Несколько пьяных греков раскинулись на лежаках и что-то орали, какие-то туристы, оставив чемоданы прямо на песке, остервенело купались.

– Последние часы ловят, – подумалось нашему герою. Он лёг в гамак и стал смотреть на купавшихся. Скучно. Апатов зевнул, повернул голову вверх и закрыл глаза.

На кухне за стеной что-то свистнуло. Почему-то от этого свистка у Апатова прошли мурашки по коже. Он мрачно усмехнулся какой-то своей мысли и решил спать прямо тут, на террасе, чтобы проснуться вместе со здешними жителями.

– Если рано вставать, день будет длиннее, – почему-то вслух, сквозь дрему произнёс он. Вдруг что-то произошло. Апатов даже не понял, что. Он успел только почувствовать секундную жгучую боль, ужалившую его в бок. Наверное, он даже не осознал, что его откинуло от террасы на несколько метров.

Газ. Взорвался газовый баллон.

Глава 1. Пятнадцать лет назад

– Вот скажи мне, Паша, – обращался к своему другу Апатов, идя вместе с ним по сельской развороченной дороге, – почему ты младше меня на год, а я говорю с тобой и чувствую, что ничего не понимаю в жизни?

– А я тебя тоже спрошу, – отвечал спутник Апатову. – Ты много думаешь? То есть вообще, обо всём.

– Да вроде нет.

– Вот поэтому ты ничего и не понимаешь, – отрезал он.

Звали его Павел Викторович Глевский. Это был невысокий худой подросток с низким голосом, русыми волосами и голубыми, кристальными глазами. Он уже пару лет дружил с Сёмой и в шутку называл их общение «неравноценным разменом». Паша вполне справедливо считал, что растлеивает Апатова и в то же время вдохновляется его наивностью.

– То есть ты хочешь сказать, что если много думать, то можно додуматься до того, что жить не нужно? – спросил Сёма, по-доброму смеясь.

– Как же не нужно? Очень даже нужно. Я всего лишь сказал, что жизнь бессмысленна, а хорошая смерть куда дороже плохой жизни.

– То есть?..

– То есть! – миролюбиво передразнил Паша. – Тут в двух словах не объяснишь. Сначала ты мне ответь: в чём смысл

жизни?

– М-м... У каждого по-разному. У меня, например, в семье: хоть сейчас бы женился и детей стал воспитывать.

– Эх, ты, жених! Открою секрет: у всех смысл жизни одинаковый. Это счастье. Как тебе такая развязка?

Апатов почесал подбородок, на котором уже начинала прорезаться юношеская борода.

– Развязка, может, и хорошая, но слишком банальная, размытая. Счастье-то точно у всех разное.

– А вот и нет. Счастье тоже у всех одинаковое. Это покой.

Не внешний, когда можно лежать на диване и ничего не делать – такого покоя и у меня хватает. Все ищут душевный покой. И ты, «семьянин», жениться хочешь, потому что мозжечком своим чувствуешь: вот оно, разрешение проблем. Как тебе уже такая развязка?

– В этот раз поинтереснее. Понять бы, к чему ты клонишь, философ.

– Клонит философ к тому, что нет этого самого покоя и быть не может. Помнишь, как у Блока? Хотя я стихи не люблю, а с этим согласен: «покоя нет». Сам подумай – даже на твоём примере: живешь ты, обзавёлся семьёй, детьми, и вдруг понимаешь, что денег не хватает. Надо работу новую искать. Тут весь твой покой и улетучился.

Но, предположим, работу ты нашёл. Средствами всех обеспечил, даже немного прикопил. И внезапно – бац! – ты видишь, как твою любимую жену провожает до дома непо-

нятный обольстительный тип. Тебя берёт ревность, ты начинаешь беспокоиться о том, как бы сохранить семью и одновременно разобраться с ухажёром твоей единственной. А тут ещё какая-нибудь болезнь подоспеет. Рак, к примеру. Где же будет твой покой? Не будет его, Сёма, не будет.

– Хм. То есть ты хочешь сказать, что счастье для простого смертного невозможно, потому что покоя нет, так?

– Именно так! Именно потому, что покоя нет, и именно потому, что его нет для простого смертного. Для святош и уникамов – да, пожалуй, есть покой. Но не для нас.

– А что, если мы уникамы? – с ухмылкой спросил Апатов.

– Ты вон и сам смеёшься. За тебя я, конечно, не скажу, но за себя точно отвечу: я – натуральнейшая часть толпы. Серейшая, так сказать. Может, есть у меня парочка идей, которая меня и отличит, но в остальном – абсолютное совпадение. Думаю, ты туда же. Уникамы... – тихо повторил Паша.

– Да, в этом ты прав: все мы часть толпы. Росли в ней, впитывали, как губки, всякую гадость, и вот что получилось на выходе. Семён Апатов и Павел Глевский, и ещё миллионы таких же Семёнов и Павлов... Но всё же к чему ты подводишь? Я же чувствую, что к чему-то подводишь, ты ведь драматург!

– Конечно, подвожу. Но по традиции: сначала вопрос. Как тебе жертва жизни?

– Какая жертва жизни? – оторопел Апатов и даже слегка нахмурился.

– А самая простая. Когда умирают за другого человека.

– Вон ты куда метнул... Ну... Это очень большая жертва, жертва всем, я бы сказал. Это подвиг. В христианстве за него грехи прощают, – зачем-то добавил Сёма и заметно покраснел.

– Прощают. И в рай пускают. Только я тебе много раз говорил: христианство – это чушь. И Бога нет, и рая нет! Но сейчас не об этом. Всё, что ты сказал, Сёма, – это ерунда. Жертва жизни – это очень маленькая жертва. Это, я бы даже сказал, не жертва, а корыстная милостыня.

Паша на секунду замолк и наслаждался гримасой удивления на лице своего друга. Очень он её любил.

– Почему? – только и проговорил Апатов.

– Потому, что хорошая смерть дороже плохой жизни. Смерть – это покой, это счастье, а хорошая смерть – это, может, путёвка в рай, – с серьёзным лицом съехидничал Паша.

Помолчали.

– Но ведь не вся жизнь плохая? – одумался через минуту Апатов, радуясь, что нашёл возражение.

– Так и знал, что скажешь. Это правда, не вся. Но иногда какая-нибудь мелочь, какая-нибудь животная черта может пустить под откос очень многое. Тогда-то впечатление от жизни и портится. Так-то... А мы ведь пришли.

Паша внезапно остановился и еле успел удержать Апатова, который чуть не шагнул в мутную зеленоватую воду. Впереди была трясина.

– Вот тут бы и пожертвовать жизнью,– диковато усмехнулся товарищ нашего героя и посмотрел на него так странно, что Апатов поёжился.

Но Паша хлопнул его по плечу, поправил свои аккуратно зачёсанные волосы и стал что-то напевать.

Был вечер. Солнце потихоньку закатывалось за геометрические силуэты недостроенных высоток. Потихоньку перекликались птицы. Листья на чахлых болотных берёзках дрожали тоже потихоньку. Да и вообще здесь было тихо – в этом месте – небольшом леске за одним из скромных пригородных садоводств.

Глава 2. На койке

Первый день в больнице Апатов провёл почти бессознательно. Изредка он открывал недоумевающие глаза, что-то бормотал. Когда приходила медсестра, односложно просил пить, но его не понимали: говорил он на русском; тогда он вялой рукой показывал, как опрокидывает стакан себе в рот. И пить приносили.

Но так было только в первый день, а лежал Апатов уже вторые сутки. За это время он осунулся, побледнел и морально ослаб – видимо, подозревал: что-то с ним не так. Потом понял: раз попробовал встать с койки и сразу упал, как кукла с ватными ногами. Ноги действительно были ватные. Он их просто не чувствовал; щипал, бил, а не чувствовал. Апатов не на шутку испугался, позвал главврача и срывающимся голосом спросил: «What happened to my legs?» Тот развёл руками: не понимаю, мол. Тогда Апатов в ярости ударил себя по ноге кулаком. Доктор вздрогнул от неожиданности, но на этот раз всё понял. «Нэвра», – промямлил он с сочувственной улыбочкой.

– Какая нэвра? – оторопел Апатов, и глаза его остекленели. – Как нэвра?

– Энкефалос, – добавил доктор, стуча по голове своим тонким длинным пальцем, будто дятел по твёрдому дереву.

«Энкефалос...» – пронеслось в голове нашего героя. –

«Энкефалос... Энцефалит. Поражение мозга... Значит, мозг. По голове дало, э-эх».

– How long will it last?..– снова было попробовал Апатов, но главврач жалостливо замотал головой.

Тогда Апатов наконец вспомнил про телефон. Экран – 5 процентов заряда – переводчик – маленькие кнопки, по которым невозможно попасть трясущимися пальцами – внимательные глаза доктора – вердикт: пожатие плечами. И грустно-весёлые глаза, выразившие надежду – то ли настоящую, то ли должностную.

«Что же теперь?» – именно эта троица слов пришла в голову Апатова, когда за главврачом закрылась дверь в палату.– «Что за дурацкий случай? Нелепица... Не лепится. Да уж, слепилось бы тут. Так что же теперь? Делать-то что? Позвонить... Но кому? Гоше? Гоше! Нет, не надо грузить его своими проблемами, у него же семья, дети... А вдруг я умру? Что запомнит этот наивный добряк... Запомнит, что я, гордый эгоист, не позвал его на помощь. Хотя нет, не так... Запомнит, что мог помочь, но не узнал вовремя, что случилось с его другом. Ведь себя обвинит, дуралей!.. Эх... Позвонить...»

Нет, к чёрту звонить! Что я за рыба такая, чтобы звонить. Обычная песчинка – до пескаря далеко. Помру – значит, туда и дорога, а Гоша пускай детей воспитывает... Впрочем, чёрт с ним, напишу».

Экран показывал последние два процента заряда. Апатов

лениво набрал сообщение: «Я в больнице. Если хочешь – навести». Сначала надеялся, что телефон сядет раньше, чем нажмётся заветная кнопка «Отправить». Но потом плюнул и нажал. «Не придёт – значит, поделом Джирджосу». Эта мысль доставила Апатову мрачное и какое-то злобное удовольствие: он даже улыбнулся и смешливо выдохнул. Как только сообщение ушло, экран погас.

Апатов отбросил телефон на плохенькую тумбочку и устался в потолок. Как-то не думалось нашему герою, поэтому он тупо и медленно повторял про себя: «Двенадцать. Двенад-цать. Две-над-цать. 12...» Потом вдруг остановился. «Причём тут двенадцать?.. Блок, что ли?» – усмехнулся он вслух и вдруг подумал: «Интересно, сколько в городе больниц? Неужто, двенадцать?» Опять усмехнулся, отвернулся к стенке и закрыл глаза. И какое ему дело до Джорджоса? Захочет – найдёт его Джорджос; обшарит, обползает все больницы, но найдёт своего бывшего одноклассника, своего некогда послушника.

И Гоша нашёл своего некогда послушника. Примчался через полтора часа, из другого города, сбежав с семейного пикника.

– Сумасшедший, – радостно и немного брезгливо проговорил ему Апатов, когда тот с ошалелыми глазами ввалился в комнату. – А вдруг я простудился? Или перепил?

– Ты бы не написал тогда! – обрадовался бедный Гоша. Когда он получил «послание», то всерьёз подумал, что его

друг при смерти.— Что с тобой?

— Ты только присядь. Успокойся, подыши там... Хочешь воды?

— Не нагнетай, пожалуйста, Сёма. Что случилось?

— Да вот, говорят, «нэвра». «Энкефалос»,— загадочно протянул Апатов, наслаждаясь беспокойством, которое уже почти выдавило стёкла из оконных рам.

— Что?

Гоша побледнел, как будто что-то предчувствуя.

— Ноги у меня отнялись, Джорджос, вот что. Да и, похоже, не только ноги. Помнишь, в детстве я всё думал, что я маленький, слабенький, недоразвитый? Так вот это всё бред был, сейчас себе недоразвитому завидую. С форой в победу проиграл бы себе недоразвитому.

Но Джорджос перебил:

— Стой, подожди... Как отнялись? Совсем отнялись?

— Ага.

— Чепуха какая-то... Из-за чего?! — как бы вдруг вспомнив, почти прокричал он.

— Да если бы я знал! За этим тебя и позвал сюда, кстати. Джорджос, Гоша, друг,— Апатов зачем-то схватил его за плечо и притянул к своему лицу,— Найди этого шарлатана (то есть врача, конечно, врача), и спроси у него, что со мной такое. Он мне так ничего и не объяснил толком, гадёныш. Всё своими лямбдами и бетами отмахивается. «По-английски ни бэ, ни мэ: не понимэ». Спроси у шарлатана, буду я жить или

нет. Это достаточно важный вопрос. Разве не правда?

Ха, мне кажется, ты думаешь, что я брежу. Но я не брежу, чёрта с два! Разве можно бредить и так понятно изъясняться? Ха-ха-ха! Нет, нельзя. А я, может, только сейчас и не брежу, а всю жизнь до этого бредил...

Апатов медленно опустился на койку и закрыл глаза. Гоша стоял молча. Он был в каком-то печальном удивлении: такая резкая смена настроений сильно ударила по нему. Внезапно наш герой широко открыл один глаз и бездумно глянул на своего гостя:

– Ты ещё здесь? Я же попросил, – как-то уныло выговорил он и замолк.

Гоша вышел из палаты и направился к главврачу. Этому неожиданному посетителю тяжело было находиться тут: во-первых, наполовину размякший давний друг неприятно, даже жутко поразил его. Видеть Апатова, обычно спокойного и крепкого, обездвиженным и отчасти невменяемым было неприятно. Даже жутко. Во-вторых, вся обстановка греческой больницы угнетала Джорджоса. И вроде бы новое было здание, и выглядело всё более чем прилично, но витало здесь что-то мрачное, нагоняющее тоску: то ли из-за желтовато-гнилостного света, то ли из-за идеально белых стен казалось так. Гадость. Ну и в-третьих, Гошу волновал доктор, который не сказал Апатову ничего ясного. Почему?

Прислонившись к двери кабинета, курил человек в белом халате. Его длинные пальцы сжимали сигарету так, как будто

он их скрещивал. Человек был среднего роста, очень худой, с чёрными кудрявыми волосами и седыми висками, такими же седыми аккуратными бакенбардами и какими-то седыми, но живыми глазами. Почему-то, взглянув на него, Гоша сразу понял, что это именно тот, кого он ищет. Главврач собственной персоной.

Гоша подошёл к нему и спросил:

– Hi, do you speak English?

– Hi, of course I do. I mean I'm a doctor, why would I not speak it? – ответил врач и, выдохнув дым, улыбнулся.

– Тогда почему вы не сказали ему, что с ним случилось? – без всякой злобы, смиренно спросил Гоша уже по-гречески.

– А, вы про того русского, который ног не чувствует? Да-а, не сказал... Побоялся. Вы ему кем приходитеесь, собственно?

– Другом.

Главврач затянулся в последний раз и выкинул окурок. Вздыхнул.

– Дело вот в чём. У вашего товарища повреждены некоторые части головного мозга. Вы вообще ничего не знаете?

– Вообще ничего.

– Как мне рассказали, в доме пациента взорвался газовый баллон... Вашего друга откинуло на три метра, и он упал головой на острый осколок. Каким-то чудом выжил... Мы сделали всё, что могли, но его травма очень серьёзна. Одним словом, он не умрёт, но, возможно, на всю жизнь останется инвалидом.

– Что с ним, доктор? – заглядывая в глаза главврачу спросил Джорджос.

– Трудно сказать. Он не может двигать телом от пальцев ног до пояса, а ещё он, вероятно, не чувствует вкусов. Пока я держал его на капельнице.

Вам, должно быть, интересно, почему я так решил... Я опережу ваш вопрос. На моей практике уже был похожий случай: нам привезли человека с пулей в голове и попросили сделать всё, чтобы он выжил. Мы сделали. Но у него отнялись обе руки, и он ослеп.

Я тогда был совсем молодой: пришёл, сказал ему всё, как есть: «Вы теперь инвалид, и, скорее всего, пожизненно». Крепитесь, мол. А этот человек был художником... На следующий день он выбросился из окна. Одним словом...

Не говорите вашему другу. Надежда есть, этого достаточно. Между прочим, он верит в Бога?

– Думаю, нет, – грустно ответил Гоша.

– Тогда самое время ему поверить.

Главврач хлопнул своего собеседника по плечу, мигнул ему и зашёл в свой кабинет. Куда-то толкали пустую каталку.

Глава 3. Исключительная потребность

Апатов снова остался наедине со своими мыслями, которые было невозможно привести в порядок. Всё путалось и мешалось, не давая ни шанса осмыслить происходящее: загадочный Гоша со своими успокоительными речами, этот проклятый газ и, конечно, будущее нашего героя, придавленное большим вопросительным знаком. Куда он теперь?

«Разве что в международную организацию помощи инвалидам», – мрачно подумал Апатов и хотел было плюнуть с досады, но вспомнил, что его соседи по палате навряд ли одобряют такое желание. Да, в комнате, оказывается, лежали люди помимо нашего героя. Однако он часто про них забывал, так что для него помещение было как бы пустым и мёртвым. «А может и без помощи инвалидам обойдусь», – вяло продолжал размышлять Апатов. – «Вон, Гоша какие поминки устроил... Гоша... Странный он, конечно: вроде бы и поддержал, а вроде только хуже сделал. Сказал бы прямо: каюк! Кранты тебе, друг Сёма, завтра – поминай, как звали. Так нет же: мало того, что отповедал, гад – ещё и воды налил похлеще доктора. Эгоист больше моего этот Гоша, а вообще-то чёрт с ним!.. Чёрт... С ним чёрт... А со мной кто тогда?.. Ха-ха. Неужто брежу? Хотя... Как там было? Да! “Разве можно бредить и

так понятно изъясняться?” Ха-ха-ха-ха-ха...

И всё-таки что он имел в виду? “Жить нужно потому, что ты, может быть, один из немногих, кому есть, что сказать миру”, говорит. “Может быть, ты своими словами или делами спасёшь кого-то”, говорит. Какое мне дело до кого-то? Мне бы себя спасти для начала... “Именно от тебя зависят чужие судьбы, потому что ты – это часть всего. А твоя жизнь – это инструмент... Сами по себе мы бы никогда не прожили, не даром же люди – существа стадные”. “Веришь ты в Бога?”, спрашивает. Да какая разница, верю или нет?! Какая, в конце концов, разница, есть Бог или нет Бога?.. Нет, к чёрту, к чёрту Джирджоса!» – раздражённо решил Апатов и погрузился в совершенно иные мысли. Сейчас ему хотелось одного: понять. И он начал, что называется, с самого начала.

...

Семён Апатов появился на свет в Петербурге, и так уж получилось, что его окружение было чересчур контрастным. До четырёх лет он жил, как живёт почти каждый маленький человек: разъезжал в коляске по шумным и грязным улицам, катался на автобусах и трамваях с матерью за ручку, с отцом ходил в парк. Однажды даже слетал в Египет, где увидел настоящее, тёплое и солёное море. Но потом как-то по-особому повернулась судьба. Отца повисили, и мать решила устроиться на работу. Деньги стали водиться: маленького Сёму отправили в частный детский сад, который был обустроен лучше, чем квартира Апатовых. И все дети в его груп-

не оказались очень холодными и безразличными ко всему, что происходило вокруг; даже воспитатели удивлялись: никогда ещё им не доводилось работать с такими «скептиками»: как только они не бились, чтобы заинтересовать своих воспитанников игрой. «Мне просто стыдно с ними», – сказал как-то сотрудник детсада, увольняясь «по собственному».

Но Сёма, конечно, этого тогда не осознавал. Он просто жил, потому что был ребёнком. Тогда он ещё мог позволить себе нестись, не разбирая дороги; к тому же, дорогу эту он пока выбирал не сам.

Что было дальше? Дальше была команда: по его просьбе родители записали его «на баскетбол». И команда была простая, «СДЮСШОРовская» – на этот раз решили обойтись без частных секций. «Хочешь на олимпиаде золото взять?» – спрашивала тогда мать. «Конечно, хочу», – отвечал Сёма, доверчиво глядя ей в глаза. «Значит, решено: в СДЮСШОР».

И с появлением баскетбола жизнь Апатова стала лишь противоречивее. С одной стороны его окружали старые друзья: культурные, спокойные, холодноватые. С другой же стороны были его новые приятели – товарищи по команде: простые, грубые и в некотором роде страстные. И каждое лето Апатова ждали противоречивые приключения. Сначала он на месяц уезжал в спортивный лагерь, где тренировался и учился жизни, а потом – точно так же на месяц улетал путешествовать по Европе, поэтому ко второму классу он мог

одинаково хорошо выругаться и рассказать о Римском Форуме.

Кстати, о втором классе. Сначала Сёма с родителями решил, что пойдёт в обычную школу. И он пошёл. Правда, понравилось не особо: если в детском саду все были спокойные, а в команде – наоборот, порывистые, то тут все вели себя попросту странно. То сидят тихо, то подскочат и закричат. То безучастно молчат, то вдруг захихикают, зашепчутся, а то внезапно и заплачут. Привыкнув к двум сторонам жизни, маленький Сёма странно чувствовал себя на их границе, где все – просто люди. Возможно, поэтому у него некоторое время не было друзей в классе. Но потом к нему подошёл довольно крупный мальчик и сам предложил общаться.

– Чего тебе, Гоша? – спросил маленький Апатов, сидя за своей партой и что-то рисуя.

– А чего тебе, Сёма? – парировал подошедший мальчик.

Апатов оторвал взгляд от своего листка и глупо поглядел на своего будущего друга.

– Ну, что смотришь?

– А что ты такой странный?

– А ты что такой грустный? Уселся тут, ни с кем не разговариваешь. Давай дружить?

– Давай.

Они по-взрослому пожали друг другу руки и пошли играть в пятнашки с другими детьми. Так и познакомились. И до конца второго класса их не существовало по отдельности:

были только Гоша Радин да Сёма Апатов.

Но, окончив второй класс, наш герой вместе с семьёй переехал в отдельный дом, а от этого дома до старой школы идти приходилось очень долго. Поэтому Апатовыми старшими овладела «охота к перемене мест» – не только жилых, но и учебных. Всё ради сына. Устроили в платную школу, где он продолжил учиться и где он вскоре встретил Пашу Глевского.

Это был восьмой класс. Апатов – худой, болезненный, уже подросший, бродил по небольшой зале с компанией одноклассников, лениво перекидываясь словами. Скучал немного. И как раз в эту минуту скуки он заметил: кто-то из угла следил за ним холодными и пронзительно-голубыми глазами. Сёма хотел зажмуриться, но не мог. Что-то как бы приковало его взгляд: он сказал приятелям, что пойдёт в класс, а сам, сделав небольшой круг, подошёл к загадочному мальчику, который недавно изучал его со скамейки в уголке холла.

– Ты чего это? – спросил Апатов незнакомца своим неокрепшим, ещё по-детски тонким голосом.

– Да вот смотрю и люблюсь на вашу компанию, – отвечал незнакомец уже твёрдым баском. – Я разговора не слышал, но и без этого могу сказать кое-что про твоих... друзей? Хотя это неважно. Вон тот низенький у вас явно лидер. Должно быть, заноза и бо-о-лыша-а-я мразь. А другой, который повыше, в сером пиджачке: спорим, он паинька, когда беседуешь с ним по-человечески, с глазу на глаз? Жалко только,

что при Большой Мрази кожу меняет. Ну да это глупости, так ведь все почти делают. У себя не замечал такого?

Говоришь с каким-нибудь человеком – то есть только с ним – и всё спокойно так, дружелюбно... А потом подходит ещё кто-нибудь, и ты уже не ты, а конченная мразь. Шутись, глумисься, откровенно вытираешь ноги о своего доброго собеседника. И всё ради того, чтобы утвердиться, чтобы на головы встать. Было такое у тебя, м?

– Было, – удивился Апатов и присел рядом.

– И как, приятно?

– Кому?

– Ну тебе, кому же ещё, – рассмеялся незнакомец, поднимая брови.

– Не знаю, не замечал, – отрезал сухо Сёма и скрестил руки на груди, заслышав презрение в насмешке этого непонятного мальчика.

– Ладно, не сердись! Мы ведь даже не познакомились, а ты уже дуться... Меня Паша зовут. А ты что за товарищ? Судя по всему, из восьмого...

– Семён, из восьмого «Б».

Проговорив это, Апатов нехотя протянул руку. Паша пожал.

– Я бы тоже в восьмой хотел. Ровесники у меня все дурачье поголовное...

– А ты в каком?

– Да в седьмом...

– Вот так да... Я думал, ты с параллели.

– Да ведь так оно и есть... Я душой старше. Может, и тебя старше. Сказал бы точно, но пока не могу понять... Лыстить не хотел, а всё-таки скажу: тебя не так-то просто разгадать... Семён. Ты какой-то неочевидный кадр, с тобой ещё придётся разобраться, но только не сейчас, – Паша резко встал, поправил штанину и, уходя, бросил, – Увидимся.

И увиделись. Через несколько дней он подошёл к Апатову и сказал:

– Помнишь наш разговор? Я ведь тебе не раскрыл самое главное: поливать кого-нибудь грязью при других – моё любимое занятие.

– Почему?

– Потому что я обычный человек, Семён. Кстати, мне не нравится, как это звучит: «Семён»... Можно я буду звать тебя «Семак»? Хм, Семак... Семак...

– Лучше просто Сёма.

– Ну что ж, Сёма, так Сёма. Будем теперь не разлей вода, помяни моё слово!

...

Молодые дни Апатова текли мерно, беспечно, в разговорах с друзьями и близкими людьми. Он действительно мало думал, в чём честно признался Паше Глевскому. Но Сёму это совершенно не волновало. Были в его душе дела посерьёзней, чем размышления.

К шестнадцати годам в нём проснулось сильное чувство,

чувство неизвестное и непонятное. Это был как бы переизбыток сил. Апатов видел, что с ним происходит какое-то изменение: его стало сильнее тянуть к другим, он теперь жаждал всего нового, куда-то постоянно рвался. Но полное осознание пришло позже, когда он заметил, что придумал себе друга, которого он мог оберегать от опасностей и которого мог учить. Прямо как маленькая девочка – куклу. Признаться в этом себе было самым сложным испытанием за последние пару лет: он всё делал не так и, возможно, начинал сходиться с ума.

– Это, брат, гормон,– говорил Паша, посмеиваясь над другом, которого как будто что-то постоянно злило.– Дело обычное, мы тоже проходили... Знаешь-ка, что?

– Что? – вызывающе спросил Апатов.

– Сучка тебе нужна, вот что.

– Сколько же в тебе романтики, Паша...

– Ой-ой-ой, а ты-то когда так размяк? Деликатничаете, сударь!

– Да ну тебя.

Сказав это, Апатов усмехнулся. Глупости.

– Стыди меня сколько хочешь, Сёма, а сучка нужна-а, ещё как нужна. Вспомнишь мои слова попозже, когда она появится – это тебе обещаю. А не вспомнишь – так напомним. Вот, мол, был такой старый философ Павел из Глевии, и изрёк он то-то и то-то...

Оказалось, что старый философ Павел из Глевии был

прав, да и ждать долго не пришлось. Появилась одна из тех, кого Паша всенепременно звал «сучками»...

Апатов – тот, который сейчас лежал в греческой больнице и думал – даже на секунду приподнялся с койки: как-то странно заныло сердце от воспоминания о первой любви. Захотелось схватиться обеими руками за голову, но он сдержал себя. Вместо этого он взял с тумбочки стакан, полный воды, окунул в него руку и провёл ей по лбу. Жарко было. И так душно ещё, так неприятно душно, как если бы духота заползла в рот и уши Апатова и сдавила сердце. Он поморщился, сглотнул и вспомнил, как начинался его дневник.

«Без понятия, зачем я сел писать это. Наверное, потому, что не писать нельзя. Слишком много произошло – и вокруг, и внутри меня. Думаю, стоит начать с того, что я влюбился, причём влюбился крепко, как это называется, по уши. Никому пока не говорил. Да и незачем. Здесь этой новости самое место.

Нет, не могу. Сейчас мне хочется писать, думать, говорить только о ней. Что ж, тогда здесь будет её портрет. Опишу так, не подглядывая на фотографии – просто по памяти.

Зовут её Катя. Ростом она, пожалуй, даже ниже среднего, и еле дотягивает мне до плеча. Этакая миниатюра с какой-нибудь картины. Глаза у Кати зелёные, проникновенные, и смотрят в душу из-под густых, но аккуратных бро-

вей. Забегу вперёд и скажу, что, может, полюбил я её именно за эти глаза.

Так вот, глаза эти большие и какие-то притягивающие: в них хочется смотреть и смотреть без остановки. Но самое притягательное в её лице – это, конечно, улыбка. Каждый раз, когда я смотрю на неё, мне хочется, чтобы она улыбалась. Ещё лучше – чтобы смеялась. Смеялась своим высоким, таким нежным и женственным голосом.

Чёрт, чувствую, что забираюсь в настоящие романтические дебри. Эх. Ну и ладно: писать, так писать.

Катя без всяких преувеличений красивая. Особенно хороши её волосы: густые и кудрявые, тёмные, но чуть светлее моих, они постоянно падают на Катину лицо, а Катя постоянно борется с ними. Убирает их либо за ухо, либо за плечо. Иногда, когда надоедает, она забирает их в пучок на затылке. Этот пучок не менее хорош.

Я бы мог расписывать ещё на много страниц, но чувствую, что нужно закончить с портретом. В конце концов, дневник про меня, а не про Катю. С которой, кстати, ещё чёрт знает что выйдет...

Как так получилось, что в 16, почти в 17 лет я впервые, основательно и по-настоящему влюбился? Этого даже я не понимаю. Понимаю только, что меня загипнотизировали, причём буквально. В каждом классе и коридоре школы я встречал Катины глаза. Пересёкшись взглядами, мы могли долго смотреть друг на друга, пока кто-нибудь не ре-

шится отвернуться. Смешное ощущение, надо сказать. Понимаешь, что неприлично в открытую пялиться, а смотришь и чего-то ждёшь.

Эх, вспомнил сейчас и чуть не покраснел: всё-таки хорошее, прекрасное чувство наполняет душу, когда смотришь в глаза любимого человека».

– Хорош же я был, самый настоящий Лермонтов, – проворчал Апатов себе под нос, поворачиваясь лицом к белой чистой стенке.

Он вспоминал свои жалкие попытки заговорить с Катей. Один раз было дело в зале, когда он почти подошёл к ней, но в последний момент передумал и устремился дальше, вглубь толпы, которая, казалось, хохотала над Апатовым, выставляя напоказ свои белые кривые зубы. В другой раз – когда Сёма хотел попросить карандаш, но тоже передумал: «Буду я навязываться из-за мелочей...» В конце концов, ему стало стыдно перед «его внутренним Глевским». И правда, что он скажет Паше, когда тот узнает и спросит: «А как там дела у нашего ловеласа?» «Ну, Паша, ты знаешь, я с ней ещё ни разу не говорил... Да-а... Дрянь!»

И вот случай представился. Прямо на уроке Апатов внезапно заговорил с Катей и её подругой – тихой рыжей девочкой Галей.

– Скучновато, нет? – тихо буркнул он им, слегка развернувшись. – А вы, я слышал, ещё и экзамен по этому сдаёте.

Самоубийцы...

Катя внимательно посмотрела на него, но ничего не сказала; вместо неё заговорила подруга:

– Да нет. Химия – это просто, тут главное – понять алгоритм.

– Ага! А перед этим прочитайте-ка пару книг про все эти алканы, алкены и прочие... перлы. Читать, конечно, хорошо, но не в этом случае, – прошептал Апатов, и, заметив, что Катя немного улыбнулась, сам ужасно развеселился. – К слову, о книгах! Какие вы последними читали?

– «Гордость и предубеждение»... Ну, я ещё читаю, – спокойно ответила Катя, заставив Апатова вздрогнуть.

– И как тебе? Я ещё не читал, – зачем-то добавил Сёма и сконфузился; как только Катя начала рассказывать, он почему-то подумал, что надо бы спросить у Гали то же самое, а то всё будет слишком очевидно. «Да и Галя обидится, если не спрошу... Как же всё неловко, Боже...»

– ...А ты? – долетел до Апатова обрывок вопроса, с трудом пробившийся через поток его мыслей.

– Что?

Сёма снова сконфузился и на этот раз, казалось ему, немного покраснел.

Обе девочки тихонько рассмеялись, и Катя повторила свой вопрос:

– А ты что читал последним?

– Я?.. Я вот за антиутопии принялся недавно. Почти все

прочитал, остался только Хаксли... М-м-м... Так вам скажу: самая дельная у Брэдбери получилась, «Четыреста пятьдесят один градус по Фаренгейту» которая. Всё очень по делу расписал. У Оруэлла тоже неплохо вышло, хотя я с ним не во всём согласен. Замятинская, кстати, тоже хорошая, только вот слишком абстрактно он всё описывает. Иногда даже не понимаешь, про что глава...

Увлёкшись, Сёма не заметил, что все давно что-то переписывают из учебника, его приятель давно подмигивает ему, а преподаватель давно испепеляет взглядом их, мирно беседующих.

– Апатов, подъём, – шутливо приказал учитель. Пришлось прервать разговор и встать. – Что у тебя там за *romantique*? Давай-ка вещи собирай и переезжай во-он за эту парту. Девочки, конечно, умные и прекрасные, но никто тебе не объяснит эту науку лучше меня, ты же понимаешь?

Жуткое воспоминание. Апатов, лежавший на койке, потёр бровь и поиграл желваками: зачем он только это запомнил...

Глава 4. Встреча трёх. Из дневника Апатова

«Мне нравится, какими беспорядочными получаются мои записи: здесь то мысли, то желания, то события – одним словом, непонятно что. Чувствую, перечитаю это через пару годиков и буду плевать. Впрочем, проживём – увидим; что же случилось сегодня? Сегодня решил познакомить Гошу с Пашей. Позвал их обоих прогуляться, и между ними произошёл интересный разговор. Философский такой, размашистый. Думаю, запишу: будет хорошая вещьца, чтобы вспомнить её лет через десять. Вот, как это было.

Встретились мы все у метро: первым пришёл Гоша; выглядел как всегда скромно, со своим светлым «ёжиком» на голове, в старых кроссовках, помятой куртке и с ненавязчиво приятной улыбкой. Гоша, вроде бы, не из богатой семьи. Раз видел его родителей – люди добрейшие и на вид счастливейшие, хотя такие же простые, как и сын.

Пашу ждали минут пятнадцать – он, как обычно, “задерживался”. Но когда он пришёл, мы с Гошей так и впились в него глазами: Глевский оделся по-царски, аккуратно зализал волосы, которые на солнце чуть-чуть блестели от лака, даже очки надел. Чавкал, правда, немного – жвачка, видимо, по душе пришлась – но это было даже лучше. Над-

менности добавляло.

– Ну привет, Георгий, – Пашиа первым делом протянул руку ему. – Рад видеть человека, о котором так много слышал. Ты, говорят, добрый...

– Если веришь, то спасибо, – улыбнулся Гоша и заглянул в кристальные глаза Глевского – тот снял очки.

Но Пашиа отвёл взгляд, а потом посмотрел на живот своего нового знакомого – живот этот явно переваливался через пояс штанов. Меня тогда покорило. Как-то уж слишком презрительно и откровенно поступил мой товарищ. Однако Гоша то ли не заметил, то ли не придавал значения – вместо этого он сказал:

– Сёма тоже про тебя рассказывал много разных вещей. Очень хвалил твой ум.

– Если сам Сёма, да ещё и хвалил, то тут бесспорно, – издевательски, но самодовольно проговорил Пашиа и ухмыльнулся.

Я так и не понял, чего он тогда добивался: то ли проверить хотел, то ли поссорить нас с Гошей, только что-то тут было. Что-то странное и тёмное.

– Ну да ладно, – оборвал струну Пашиа. – Простите за желчность, сегодня у меня хорошее настроение, и особенно тянет кого-нибудь... побесить. Гоша-а, Гоша... Знаешь ты, Гоша, зачем наш друг Семён нас собрал, а?

– Нет, не знаю...

– Вот и я не знаю. Но у меня есть одна догадочка, ко-

тору ю я пока поберегу. Начать лучше не с этого. Давайте оттолкнёмся от самого банального знакомства. То, что Сёма нас друг другу расписал – это, конечно, хорошо, но достаточно ли? Ты как думаешь, дружище?

И он вскинул голову в мою сторону. Я согласился: не достаточно.

– Раз не достаточно, то, многоуважаемый Георгий, попрошу вас познакомить меня с вашей распрекрасной личностью. Если вас это, конечно, не затруднит.

– Мне не трудно, я расскажу... С чего бы начать?

Гоша усмехнулся и, кажется, придумал, как начать:

– Мы с родителями переехали в Питер, когда мне было три. Я вообще-то с юга: есть под Краснодаром городок такой, Паравольск называется, – вот я оттуда...

С семьёй живём дружно, хотя иногда тяжёловато приходится: у меня два брата и две сестры, всех прокормить – целая история. Но с ними мне очень повезло. Они все хорошие и понимающие люди. Что ещё рассказать? Если про себя, то вот что есть: верю в Бога, хотя характер у меня слабый, да и серьёзные решения долго принимаю. Хочу быть лучше... Но с этим так же тяжёловато, как и с...

Тут он прервался и после некоторого раздумья, нахмурившись, отрезал:

– Неважно.

– Эх, Георгий, Георгий... А начинал за здоровье!.. Ну что, теперь я, что ли? – Паша поправил волосы и стал говорить,

как настоящий оратор, только немного переигрывая (впрочем, намеренно).— Мы с родителями... Ах, да, у меня же он один — родитель... Мы с родителем не переезжали в Град Петров в виду одного обстоятельства: здесь, среди рек и болот, суждено было родиться мне, Павлу Викторовичу Глевскому. С самого раннего детства меня не любили, но били, били жестоко и нещадно,— Тут он заговорил серьёзно.— А на самом деле, рос я действительно паршиво. Самое забавное, что, родись я где-нибудь в Африке, в голодном, никому не нужном племени, я бы думал точно так же. Видимо, везде живётся паршиво...

Отец плюнул на меня ещё до моего рождения. Всё, что он делал — это деньги давал. На нянек, репетиторов разных — в конце концов, человек влиятельный не имеет права воспитать человека недостойного. Как думаете, между прочим, достоин я своего... папаша? Ай, можете не отвечать...

Да, я рос в богатой семье, если можно так назвать двоих эгоистов, живущих под одной крышей. Хотя знаете что: не думайте, что я обвиняю папку. Это ведь его пример мне глаза открыл. Он живёт для себя, и я так же живу, иначе какой смысл у жизни? Срывайте цветы удовольствия, друзья мои — вот, в чём суть. Я — эгоист, гедонист, прагматик, здравомыслящий или просто чёрствый ублюдок. Называйте как хотите.

Таков мой короткий портрет, друзья: остальное вы и сами уже додумали, поэтому больше говорить не стоит. К

тому же, я верю, что Сёма про меня плохого не скажет, поэтому портрет этот, очевидно, лёг в голове Георгия на хорошую основу. Основу... Точно, чуть не забыл: Георгий, скажи пожалуйста, как тебе моя – как бы это назвать? – личность (или душа)? Урод я или нет?

– Нет, не урод, но несчастный и, может быть, отчаявшийся человек. Прости, пожалуйста, что называю тебя так. Из меня не лучший оценщик, да и...

Гошу перебил восхищённый возглас Глевского:

– Стой, ничего не говори! Ты прав тысячу раз: я отчаявшийся человек! Вернее, я им был. А может и сейчас... Не обращайтесь внимания на мою радость. Дело в том, что я уже довольно долго думал, как я стал собой, а тут... такое верное замечание. Спасибо, спасибо, новый друг!.. Но забудем об этом, ведь сейчас пришло время для моей догадки. Помните, да? Была у меня одна догадка, зачем Сёма нас сегодня свёл. Поэтому – вопрос: знаешь ли ты, Георгий, что наш дорогой товарищ влопался в одну прекрасную особу?

Хорошо, я был готов к такой выходке: что-то с самого начала подсказывало мне, что Паши не упустит шанс сдать меня с потрохами (и хотя я ему тоже ничего не говорил, он-таки узнал). Сдержаться было легко.

Гоша в ответ промямлил что-то невразумительное, и я уже ждал и видел: сейчас Глевский в напускном удивлении раскроет рот и завопит что-нибудь наподобие «Ка-ак?! Сёма ничего не сказал своему лучшему другу?!» Но вместо это-

го Паша подмигнул Радину, толкнул его локтем в руку и тихо, по-плутовски процедил:

– Скрытный же наш друг, а?

Потом он возвысил голос:

– Неужели ты думал, что скроешь от меня такую очевидность? Сдаёшь, старик.

– Ничего не думал, – ответил я и, вроде бы, смутился.

Чтобы никто ничего не заметил, тут же пошутил:

– Я, может, тебя проверял.

– Так ведь можно и допроверяться... Помните ту басню про пастушка? Он тоже проверять любил, а потом ему верить перестали.

Паша хитро улыбнулся, затем поджал губы и с простым видом заявил, как бы успокаивая меня:

– Ну да ты можешь не бояться. Без обид, но я никому кроме себя не верю...

Сейчас перечитал написанное и понял, что автор из меня так себе. Расписываю тут диалоги, а ещё ничего не сказал про место, время... Короче, совсем не на читателя работаю. Хотя кто будет читать сие творчество, кроме меня? Забавно... И всё же добавлю немножко фона: вдруг перееду, забуду местность, вдруг всё поменяется? Надо быть дальновиднее!

Тогда осень уже перевалила за середину, а уровень воды в колдобинах на асфальте – за воображаемую крайнюю отметку. На удивление, день выдался солнечным, не было вет-

ра, который обычно разносит морось и запах мокрых листьев. Природа как будто чего-то ждала. Неужто, нас?..

Когда разговор наш начал клониться в философию, мы подошли к озеру – такому спокойному, тёмному, отражавшему оранжевое вечернее солнце. По одну руку от нас была липовая аллея, по другую – песчаная дорожка вдоль бурого склона, покрытого сетью корней. Приятно стало, даже остановились на минутку. Вдох, выдох, снова вдох... И дальше я уже не мог сдерживаться: как ребячёнок, обрадовался чему-то, улыбнулся. У меня впереди столько жизни, столько новых и хороших людей, столько событий и воспоминаний – тоже хороших и светлых. Почему я раньше об этом не думал? Как до этого не догадался? Ведь это, может быть, простейший рецепт счастья. Глупого, детского, но разве счастье бывает другим? Пожалуй, что и бывает, только мне ничего подобного испытывать не приходилось. Кстати, где это я?... Ах, да!

– Так и что ты думаешь, Георгий? Хороша Сёмина любовь или нет? – спросил Глевский, надев очки и слегка опустив их, поглядывая поверх тёмных линз.

– А никто не будет против, если я скажу серьёзно?

– О, нет, даже наоборот! Именно этого я и жду. Разве что Сёма наступит на горло серьёзной песне вольного...

Но тут я наступил на горло уже Пашиной несерьёзной песне. «Валяй», – подмигнул Гоше, и он начал.

– Здесь всё зависит от одного момента. Как бы это на-

звать... Вы только не смейтесь сейчас (уже на этих словах Паша легонько прыснул): нужно сначала разграничить любовь. Никто ведь не будет спорить, что современная любовь – это любовь чисто биологическая...

– А она бывает другой? – удивился Глевский.

– По-моему, да. Это как бы противовес. Если есть дикая любовь, то есть и рациональная. Ты понимаешь какого-нибудь человека, чувствуешь с ним единство, и поэтому ты его любишь.

– Постой-ка, – перебил Паша. – Мы, вроде, о любви между мужчиной и женщиной говорили, а ты, извини уж, в какие-то дебри полез...

– Так ведь разницы нет. Это работает для всего, – загорячился Гоша. – Проблема только в том, что я плохо объясняю, потому что сам ещё не понял до конца... Конечно, такая любовь не будет очень страстной. Зато она будет самой крепкой. Женщине и мужчине важно понять друг друга, им важно принять друг друга. И вот тогда любить будет не тело, а душа... Простите, пожалуйста, мою восторженность.

– Да простить легко, – снова перебил Глевский. – Я бы даже спасибо за неё сказал. Только ответь мне сперва на один вопрос. Ты нам говоришь, что надо понять и принять, и я даже согласен с тобой. Но! Но... я тебе скажу, что гораздо легче и приятнее влюбиться так, как влюбился наш дорогой друг – без задней мысли, то есть, как ты говоришь, телом.

Разве я буду не прав?

– К сожалению, ты будешь прав, Паша. Сегодня так же думает почти вся планета, и как раз поэтому рациональная любовь вымирает. Она просто сложнее.

– Ну вот и всё, Семён, сворачивай лавочку! Духовник запрещает биологию!

Я усмехнулся, ожидая, что ответит Гоша.

– Нет, не запрещаю. И верю, что Сёма полюбит эту девишку именно рационально. Такое тоже часто бывает. Люди вместе проходят через страсть и в то же время учатся ценить друг друга за что-то другое. За характер там, за многое... Но я в любом случае очень рад за тебя, приятель, – обратился он ко мне.

В последней фразе Гоши я услышал вдвое больше того, что он озвучил. Здесь было скорее так: «Тебя ждёт большое испытание, но это тоже хорошо... Очень рад за тебя, приятель». Написал это и почувствовал, как холодок бежит по моей спине... Хотя если без шуток, то здесь и впрямь что-то есть. Что-то мистическое и чуть-чуть забавное.

– Ну что же... Как говорится, теория интересная, но-о, – на этом слове Паша поднял руку с вытянутым указательным пальцем, – У меня опять есть, к чему придраться. Вот Георгий нам заявляет, что его «метода» работает на всём. То есть, если я правильно понял, он призывает нас понять и полюбить каждого человека в мире. Так ли это, Георгий?

– Нет, Паша, я никого не призываю. Просто поделился.

Но если бы все понимали всех, то мир был бы гораздо лучше, – скромно ответил Гоша.

– Так-так-та-ак. Ничего не скажусь насчёт очевидности... сего... утверждения, ха! Велосипед ты, Георгий, конечно, не изобрёл. Да и вообще нескладно получилось!

– Почему это? – спросил я, заступаясь.

– А потому что всё это выдуманно на пустом месте и ничем не подкреплено. Вот представьте себе: сталкиваюсь я с человеком, который меня откровенно ненавидит. Я для него – просто кусок дерьма. Как же мне его понимать?.. Нет-нет, объяснять не нужно, я вполне уловил: такого человека надо чем-нибудь... оправдать... Скажем, у него настроение сегодня плохое, или больной он, или с ним что-то когда-то случилось. Поэтому и злится. Только какое же мне до этого дело, скажите пожалуйста?

Я, может быть, плевать хотел на причины его уродского характера. Более того, плевать мне без всякого «может быть», потому что он!.. он... чувствует ко мне то же самое. Если кто-то ненавидит, то он делает это без сомнений по типу «а вдруг я не прав». Зачем же мне после этого понимать какую-нибудь мразь, которая лично меня не захочет оправдать ни при каких условиях? Разве это не глупость?

Гоша внимательно смотрел на Глевского и ничего не отвечал. Лицо его почему-то выражало сочувствие.

– А-а, понимаю, теперь всё понимаю, – вдруг в каком-то радостном исступлении проговорил Паша. – Ты ведь, Георг-

гий, целиком из Библии слеплен! Правда это или нет?

– Не совсем, – тихо ответил Гоша. – Когда мне было года четыре, отец читал нам её вслух, но я уже почти ничего не помню.

– Так ведь и этого достаточно! Мне тоже как-то пытались мозги припудрить религией – бабушка постаралась. Так я тебе скажу, у неё почти получилось. М-да-а... А я-то думал, откуда в тебе, умном, вроде бы, человеке, столько дури! (Не сердись на меня, ко мне это тоже относится). Столько мно-го дури... И ответ – тут как тут. Не верь ты в эту чушь, Георгий! Религии – это зло, они сами по себе, как бы это назвал какой-нибудь старичок, «от лукавого»...

Немного помолчали. И вдруг:

– Ты в чём-то прав, Паша.

Неожиданней всего было то, что сказал это даже не я, а Гоша – тот самый Георгий, который только что всех убеждал в правильности самых религиозных идей. И если я откровенно открыл рот, то Паша пристально посмотрел на своего собеседника и как-то странно, отрывисто выговорил:

– Значит, есть ещё такие...

Он криво улыбнулся, сплюнул, и уже серьёзный, с холодными, непроницаемыми глазами как бы подытожил:

– Только это всё красивые истории для хороших мальчиков. Какая-то «рациональная любовь», которая никому и к чёрту не сдалась... Вы ведь понимаете, что любовь не страстная, не биологическая – это обычная гордость. Са-

молюбование, эгоизм – вот как она называется. Всё – синонимы. Никто ведь не любит ни тебя, Гоша, ни тебя, Сёма, просто так. Даже мать! Даже мать, которую обычно превозносят над всеми... «Смотрите, смотрите, это же символ самой неподдельной любви!» Какое там! То, что мать «так любит» своего ребёнка – это всего лишь совпадение. Она не любит его просто так, она любит его за то, что он её ребёнок. Родила она не тебя, а, например, девочку, ей было бы трижды насрать на то, что родился не ты. Она бы сюсюкалась с «доченькой». Забавно, правда?

Все любят других в отношении себя! И общаются не ради собеседника, и дружат не ради друга! Ради себя всё делают... Например, Гошу все любят за то, что он, видите ли, всех понимает и никого не судит – ногу на отсечение. Придёшь к нему и узнаешь, какой ты хороший. Сёму все любят за его необычность: он всех считает странными и не понимает, что странный-то, на самом деле, он. Хотя, честно говоря, в последнее время ты, старина, под шаблон подгоняешься. Смотри, как бы чего не вышло.

Кстати, о Сёме! Он-то, он-то как любит! Это же целая картина, друзья мои, це-ла-я кар-ти-на! Здесь не только биология, возрадуйся, Георгий: здесь ещё и ох какое самолюбование. Трижды видел его пассию и уверенно вам объявляю, что она – вылитый Сёма, только девочка. Вот так вот получается. Ты, Семён, не сердись, я твой выбор полностью одобряю: нет разницы, какая там у неё душа, главное, что-

бы нравилась тебе. А уж если девушка на себя любимого похожа, то какие же могут быть сомнения? Ха-ха-ха.

А на самом деле, оставим это. Вы, может, меня и не понимаете, а я уже целую тираду развернул. Скажи-ка лучше, Гоша, ты сам-то любил?..»

Глава 5. К сожалению, не замечено

Апатов всё так же лежал на койке и всё так же припоминал; ему казалось, что какая-нибудь деталь может оказаться решающей в его, с позволения сказать, биографии. «Что если без неё пазл возьмёт и не сложится? Нет, раз уж я решил думать, то... надо думать порядком... Какой же тут порядок, интересно знать? Чепуха какая-то, а не порядок. И всё-таки...» Он заложил руки за голову и прикрыл глаза.

Что-то начало проясняться в его голове, придавившей большие и шершавые ладони. Припоминалось.

Через три дня (почему-то наш герой запомнил точное число) после того, как Сёма познакомил двоих своих друзей, произошёл ещё один интересный разговор. Апатов тогда лежал на диване и лениво читал. Ему неумолимо хотелось спать, но он как будто чувствовал, что сейчас – не время. И как раз в секунду, когда он был готов сдать и заснуть, в дверь позвонили. Апатов вскочил и побежал открывать с мыслью: «Странные новости. Кто бы это мог быть?» А время для посещений выбрали действительно неудобное. Воскресенье, около 11 утра, когда все беззаботно спят и всячески наслаждаются своим существованием.

– Гоша? – удивился Апатов, отворив дверь и увидев знакомое лицо, но тут же принял самый дружелюбный вид. – Хотя чего это я удивляюсь! Во сколько сегодня встал?

– В семь,– улыбнулся Гоша, пожимая руку друга.

– Ну проходи, чего встал-то? Сейчас чаю заварю...

Сёма заварил и, внося чашки в просторную гостиную, застал Радина за рассматриванием интерьера. Гость стоял в центре комнаты и увлечённо смотрел на картины над декоративным камином. Их было две. И выглядели они почти одинаково. На первой – Петербург, и на второй – Петербург. Те же здания, тот же угол – на обеих, даже свет точно так же падал. Но вот нарисовал художник так, чтобы на одной картине была ночь, а на другой – день, на одной – солнце, а на другой – луна.

– С творчеством знакомишься? – спросил Апатов, ставя чашки на прозрачный, чистейший стеклянный столик.

– А? – будто не слышав вопроса откликнулся Гоша.

– Человек, у которого мы эти картины купили, по одной не продавал. «Либо две берите, либо проваливайте», говорит. Торгашеская душа, что с него взять. Хорошо хоть, что красиво... Ты зачем пришёл-то, Гоша?

– Да, точно,– он наконец отвлёкся от картин и вспомнил.– Поговорить с тобой хотел, Сёма. Есть одна вещь, которой я должен с тобой поделиться. По-хорошему, ещё тогда надо было сказать... После прогулки. Но как-то духу не хватило. Да и говорить особо не хотелось...

– Что за вещь? – заинтересовался Апатов.

– М-м-м... Ну ты знаешь, у меня всё время эти проблемы с началом разговора, поэтому скажу как есть. Я здесь из-за

Паши.

– Из-за Паши? Глевского что ли?

– Да, из-за него.

– Ха-ха, не понравился тебе этот товарищ, правда?

– Нет, как раз очень большая неправда. Он умный, говорит хорошо – не то, что я, – да и в целом он неплохой человек. Только вот... несчастный он.

– В каком это смысле несчастный? По-моему, он очень даже счастливый. Посмотри на Пашу: у него же всё есть! Живёт в достатке, все девочки от него без ума, все ребята в друзья к нему набиваются. Да по сравнению... хоть с бытом того же голодного, никому не нужного племени, это райская жизнь.

– Ты прав, но по-своему. Паша... Ему не хватило чего-то в детстве: может, родительской заботы, может, понимания... Да, скорее, понимания. Я не психолог, Сёма, но я знаю, что такое быть несчастным.

– Ну тогда рассказывай, – ободрительно пробубнил Апатов, отхлёбывая чай.

– Хм-м... Вот представь: ты ребёнок, а из близких людей у тебя только няня, которой до тебя нет почти никакого дела. Дети ведь... Они же чувствуют, когда кому-то наплевать, э-эх... Потом, когда подрастаешь, няню увольняют, и у тебя не остаётся даже этого отстранённого, но хотя бы немножко родного человека. Отец всё время на работе, матери нет... Друзей тоже нет. По дворам гулять не пускают, чтобы не испортили, вот и нет друзей.

Ты хочешь поговорить, и не с кем! В школе хочешь с кем-нибудь познакомиться, и тоже не с кем! Разве будут общаться с таким вот тихим, скрытным мальчиком?..

В какой-то момент ты просто понимаешь, что ты один. Ты один... и тебе уже никто не нужен. Ты привык. Тащишь всё на себе, и вроде бы ничего. Это, может быть, самое страшное – осознать своё одиночество... Понять, что ты никому не нужен. Это большое испытание, Сёма...

– Ничего себе ты разложил! Я бы так, может, никогда бы и не подумал... Но действительно: с чего ты взял, что именно так всё было? Просто увидел и понял?

– Нет, конечно, нет. Это только предположение. Но у того, что было с Пашей на самом деле, – та же суть.

– Почему ты так уверен? – проникновенным голосом спросил Апатов.

– Потому что мы с Пашей похожи.

– Как эти картины над камином, – добавил Сёма, чему-то усмехнувшись.

– Да, да! Так и похожи. Я бы мог быть Пашей, а Паша мог бы быть мной, но окружения у нас разные с самого начала – вот в чём проблема. Хотя... Нет, всё-таки в окружении дело: в семье, в друзьях... Правда один раз и я со своими друзьями и семьёй оступился, поэтому Бог его знает.

– Оступился? Расскажи, Гоша... Если это не слишком личное, конечно.

– Нет, не слишком личное, хотя я не люблю эту историю

вспоминать... Но я, по-моему, затем сюда и пришёл, поэтому надо... Надо говорить.

Ты же знаешь, я в семье старший... Ну, среди братьев и сестёр, конечно, ха-ха-ха... Да, старший, значит... Мы как-то раз в парке гуляли. Я, папа, мама и два брата. Сашка, младший из нас, увидел какой-то ларёк, где игрушки продавали, и говорит: «Папа, купи, пожалуйста». Захотелось ему пистолетик такой, который жёлтыми пульками стреляет. Красивый такой пистолетик, нам с Ваней, другим братом, тоже понравился. А их там, на витрине, три было, пистолетика этих.

Мы тоже попросили, и папа разрешил. К ларьку подходим, отец деньги достаёт и... покупает только два пистолетика: на третий денег не хватило... Папа меня тогда по плечу хлопнул и сказал: «Ты же старший, уступи Ване, он с тобой поделится обязательно». И Ваня говорит: «Поделюсь». Я отвечаю: «Ладно». Проехали, мол. Но нет, не проехали.

За нами в очереди семейка стояла. Тоже отец, мать и сын. Все аккуратные, красиво одетые, не то, что мы... Так вот, до них очередь дошла, и они взяли и купили последний пистолетик... А с ним и полприлавка...

На меня тогда нашло что-то. Злоба какая-то, гнев – даже не знаю... Я просто не понимал, почему они живут лучше, почему они заслуживают больше меня... Почему я родился в своей нищей семье. В конце концов, почему мои родители понаделали детей, которых не могут обеспечить... Но я ничего не показал. Подумал: «Не тряпка же я, как-нибудь

справлюсь». Дальше пошли гулять...

Как-то так получилось, что все разошлись... Эх. Ваня со своим пистолетиком убежал стрелять по кустам, родители заговорились о чём-то. И в какой-то момент я понял, что остался вместе с Сашкой. А он видит, что я задумался и мрачный иду, и говорит мне: «Гоша, не грусти, возьми». И пистолетик свой протягивает... Я уже хотел взять этот пистолетик и об землю разбить, но мне пришла в голову странная идея, и я передумал...

Знаешь, мы когда во дворе в войнушки играли, один мальчик всегда меня просил, чтобы я стрелял только по ногам. «Если в глаз попадёт, то убить может», говорил. Кто ему такое рассказал?.. Хотя это неважно. Важно то, что я ему верил и всегда стрелял по ногам. А тут... Эх... Тут я вспомнил его слова.

В общем, я стрельнул из этого игрушечного пистолетика... Хорошо, что Сашка успел зажмуриться. Что было в моей голове?.. Я думал, что я один, и что нужно бороться за хорошую жизнь. Поэтому и... Да.

Когда я понял, что Сашка жив, то сразу же решил, что он сейчас разревётся и родителям всё расскажет. «Вот, мол, я с ним поделился, а он что сделал!» Но ничего такого не было. Только две слезинки упали: больно. Пулька в веко попало, а он и звуку не подал. Посмотрел на меня, растерянного, злого, подошёл и обнял. «Выброси его», говорит, «это плохая игрушка»... Я стою, ничего не понимаю: всё же не так долж-

но было быть!.. Извинился через силу, а он мне опять: «Я не сержусь, Гоша». И к родителям побежал...

Гошин голос немного дрожал, но смотрел он светло, даже как-то вдохновенно. Внезапно улыбнулся:

– Я тогда увидел, как ошибался. Я был не один, совсем не один, если тот, из-за кого я «жил плохо», оказался на моей стороне. Сашка понял меня и простил, простил и обнял! Он меня изменил, Сёма, и в ту минуту я осознал, зачем я должен жить. Зачем все должны жить. Мы... добро должны нести! Мы должны понимать и прощать, потому что мы все одинаковые. Просто выбираем разное, потому что растём по-разному! Я начинаю путаться, эх... Но я вот что понял тогда: мы... М-м-м... Всё, что с нами происходит, происходит не просто так. Может, я глупо говорю, но я в этом теперь уверен.

Гоша замолк и отпил из своей чашки. Апатов изумлённо смотрел на него, подпирая голову рукой и усмехаясь, и вдруг сказал:

– А что, Гоша, я даже согласен с тобой! Оно, может, и глупо звучит, но хорошо. В этом есть какой-то... альтруизм, что ли? Правда, Паше такая идея точно не понравится. Слишком сильно религией отдаёт, а у него на это аллергия...

– В этом и проблема, Сёма. Если бы он просто был далёк от религии... Но я ведь не просто так всё это тебе рассказал. Нам спасти его надо... Спасти Пашу.

– От чего?

– От ошибки. А то он тоже, может быть, выстрелит...

Глава 6. Только логика

Апатову чудовищно не везло с Катей. Он писал в дневнике: *«Прошла неделя самых холодных отношений во всей моей жизни. Не стыжусь пафоса. Катя не то, что не говорит со мной – мы перестали встречаться взглядами, и она как будто меня избегает. Очень хочу встретиться и всё ей прямо изложить».*

Но через пару дней решимость Апатова иссякла, и изложить прямо не получилось. Вместо этого появилась ещё одна запись в дневнике: *«Говорят, мы все любим образ. Что ж, я, возможно, согласен с таким заявлением. Наверное, это всё глупости, и Катя мне не нужна. Да и Паша вроде бы прав: себя я люблю, и никого другого. Хотя на днях он мне сказал, что я трус... Впрочем, он и тут прав. Только я не отказа Катинного боюсь. Я, скорее, боюсь взаимности. Чёрт возьми, я же ничего в этом не смыслю! Что я буду делать, если Катя не пошлёт меня куда подальше?»*

Да-а... Наверное, перечитаю года через три и посмеюсь: какой же дурак. Но любовь... Это всё на словах понятно, а что на деле получится – большой вопрос. Да и нужен ли я ей такой? Она же видит, что я просто мальчик, что я не знаю ничего. То есть вообще ничего! Вот оно, моё испытание, про которое Гоша недавно говорил. Если и есть вещь, которая со мной произошла не случайно, то это – золотая клетка.

Прямо как у Паши. Хотя у него клетка была покренче, пожалуйста».

Апатов боялся. Ему хотелось, чтобы его просто любили – без всякой ответственности и без всякой работы над собой, просто, беззаветно и идеально. И в то же время он не хотел подвести Катю. Нужно было стать достойным: то ли по-рыцарски, то ли исходя из чистой логики. «Но ведь засмеют, гады, если начну везде за ней тащиться...», – думалось Сёме. – «Да и не хочется, честно говоря. Не мой это путь». Так и решил, что ничего не будет делать: сложится, так сложится, а не сложится – плевать.

Но всё-таки поглядывал Апатов на Катю. И всегда и везде встречал другой взгляд – добрый, даже восхищённый, однако другой. Галя смотрела. И каждый раз Сёма в злобе отворачивался, пока как-то раз не понял: «Да я ведь такая же Катя... Влюбил по глупости, а теперь морду ворочу. Нет, нельзя так – аккуратнее надо быть, злее и холоднее. Чтобы даже повода не давать...» Поделился этим с Пашей. Тот согласился: правильно, мол, решил, но «дело тут не в чужих чувствах».

– Неужели тебе интересно, как там страдает какая-то сучка? – говорил Глевский. – Если ты не уверен, я раскрою секрет: тебе плевать на неё настолько же, насколько Кате плевать на тебя. Главное, чтобы никто не надоедал своей... с позволения сказать, любовью.

Поэтому молодец! Хвалю за решение. Начинаешь, друг мой, мыслить верно, хотя сбиваешься иногда... Пока.

Только после этих слов Апатов вспомнил свой разговор с Гошей. Глевского-то надо было спасать.

...

Одним обыкновенным вечером Сёме позвонили. Он снял трубку и услышал знакомый низкий голос:

– Добрый день, distinguished gentleman! У меня новость.

– Добрый, Паша. Что за новость? – отвечал наш герой.

– Приходи сегодня ко мне, и сам всё услышишь. Буду ждать тебя часов в девять.

Короткие гудки. Апатов пожал плечами. Однако к девяти часам собрался и пошёл.

На улице заканчивалась осень: это был дождливый, ещё бесснежный ноябрь с голыми деревьями, мутными лужами и щемящей, непонятной тоской. В такое время что-то давит на людей. То ли сожаление о прошедшем, то ли боязнь за будущее. И всё-таки приятно бывает погулять в ноябре: сначала немного погрустишь, подумаешь о жизни, а потом соберёшь волю в кулак и даже усмехнёшься себе. Чего это раскис?

Точно так же было с Апатовым: он вышел из дома нехотя, лениво, но потом ощутил чуть ли не прилив сил. Ноябрьская свежесть ударяла в лицо. Откуда-то сверху доносилось то ли жужжание, то ли писк: что-то где-то пилили. Наш герой поднял голову и увидел за дымчатыми, изувеченными облаками несколько звёзд. Его сразу же необъяснимо потянуло к этим маленьким светлым точкам, и стихи сложились сами собой:

*Отчего меня манит дальше,
За чужие витки вселенных?
Хоть бы раз заглянуть за дверь.
Сбивший нюх от искомой фальши,
Раздробив кулаки на стенах,
Неужели бегу теперь?*

«Допишу потом», – подумал Апатов, сворачивая к большому коттеджу, отгороженному от чужих глаз высоким забором.

Странно было ему. Мир, целый мир окружал Апатова, но здесь и сейчас он был только тут, в невзрачном пригороде Петербурга. Почему? Почему всё это происходит именно с ним? Откуда всё взялось и почему набросилось сразу, не дождав ни года? Жизнь решалась, Апатов это чувствовал, ещё заходя в калитку. Чувствовал и ничего не мог поделать: он был слишком мал для того. «Да стоит ли, в конце концов?» – размышлял наш герой, нажимая на звонок. Паша открыл.

На миг Апатов замер: слишком уж удивило его довольное лицо Глевского. Таким его никто не видел уже очень давно. Но читалась во всём Пашином виде что-то ещё: он двигался слишком резко, и движения его напоминали движения механизма – такие же точные, угловатые и не очень-то живые.

– Вот и гости, – протянул Паша, обнажая верхний ряд зу-

бов, которые, казалось, тоже улыбались, только сами по себе.

– Вот и они,– ответил Апатов и зашёл в дверной проём.

Коттедж, в котором жил Паша, был не из тех, что строят вместе с добрым десятком кирпичных близнецов. Нет, это был дом, полностью возведённый по задумке Виктора Глевского – Пашиного отца. Это был даже не дом, а какой-то современный замок: с двумя лестницами, восходившими сначала на второй, а затем и на третий этажи, с гостиной, отличавшейся панорамным окном в гигантский неухоженный сад; с шестью спальнями, тренажёрным залом, баней и балконом, который стоял на двух мраморных колоннах. Но весь этот размах не делал современный замок уютным. Даже наоборот: чувствовалось, что здесь никто не жил.

– Что, опять любишься, Сёма? Каков домище, а?! Постарался папаша, ой как постарался: один раз спросил, сколько он за этот блеск выложил – так ведь не сказал! Темнит мой родитель...

Апатов повернулся вокруг себя, к чему-то принюхался и ответил:

– Вы здесь топите?

Паша поднял бровь и внезапно расхохотался:

– Странный ты человек, Семён. На кого же мы похожи? Ха-ха-ха,– зазвенел его металлический, но искренний смех.– Ты уж меня прости, но я давно не слышал, чтобы такую чушь спрашивали.

– Да нет, я серьёзно,– усмехнулся и Апатов.– Такое ощу-

щение, что не топите совсем. Холодно как-то... И-и... Знаешь, какой-то бездушный у вас дом, необжитый. Иногда зайдешь к кому-нибудь, и чувствуешь: чем-то пахнет, что-то шумит, а потом и на какой-нибудь полке что-то интересное заметишь. У вас наоборот...

– А что, разве лучше, когда пахнет и шумит?

– Да кто его знает, как лучше...

Апатов снял куртку и прошёл за Пашей к большому квадратному столу, в центр гостиной. Сел на высокий стул, но оказалось неудобно: ноги некуда поставить – пересел на холодный кожаный диван.

– Что, брат, всё ещё мёрзнешь? – раздался голос Паши из какой-то кладовки.

– Есть немного...

– Ну так сейчас исправим! Подожди-ка... Вот. Нашёл твоё спасение. Да и мне не помешает...

Паша вышел из маленького закоулка в кухне, держа бутылку красного вина.

– Видал ты когда-нибудь такое? Бордо! Двадцать лет валялось по погребам, а теперь – тут, в моей руке.

Разлили по бокалам, выпили – Апатов поморщился.

– Ты чего это? Неужели не нравится?

– Да, гадость какая-то...

– Зато какая польза для репутации... Помню, мне тоже не нравилось сначала, а потом я пил, пил и вдруг понял, что дело не во вкусе. Впрочем, в нём что-то есть, в этом пойле,

я всегда это знал. Но если бы отменили когда-нибудь *in vino veritas*, то само *vino* не пережило бы и Платона. Мода, дружище...

Помолчали, ещё выпили, и тут Паша как будто вспомнил:

– А чего это мы такие праздные? Я ведь тебя за делом позвал, Сёма. Угадаешь, что случилось?

Он хитро посмотрел на Апатова.

– Угадаешь тебя, Паша... Опять над кем-нибудь издевался, признавайся?

Глевский снова засмеялся своим металлическим смехом, но на этот раз послышалось что-то диковатое в отрывистых звуках выпускаемого из груди воздуха.

– Не совсем. Разве что над собой, но только чуть-чуть, ха-ха. Думай шире, Семён.

– Сдаюсь.

– Даю подсказку: иногда это делают от руки.

– Ба, да ты писатель, Павел Викторович!

– В точку, Сёма, в точку. Рассказ я написал. Читать его, правда, некому, но если всё-таки опубликуют, то может вый-ти... большая вещь. Это ведь уже почти классика: всё пережито и мной, и до меня, но почему-то никак не обсуждается. А по-моему, идея-то стоящая, главное – донести правильно... Где же он, рассказец? Та-ак... Нашёл!

Паша вытащил из полки несколько листов плотной белой бумаги, аккуратно скрепленных степлером. На первом из них красовалось заглавие: «Иди. Рассказ в повелительном

наклонении».

– Вот он, опыт, Сёма,– странно проговорил Глевский и перевернул страницу.– А теперь, господа и дамы (если такие имеются в этом доме), вы услышите чудеснейшую притчу. Притчу, правдивую настолько, насколько может обманываться человек, убегающий от своей природы. Человек такой априори несчастен, однако... сегодня вечером вы услышите историю другого, сильного и счастливого, потерявшего, но нашедшего... Итак, «Иди. Рассказ в повелительном наклонении»!

Ораторская часть Пашиного выступления закончилась, и ей на смену пришла часть читательская.

«Иди. Пока ты идёшь, они ничего не скажут тебе. Помни: ты не делаешь зла только потому, что тебя приучили. В твоей крови когда-то было много неудержимой ненависти, но её связали по рукам и ногам, ведь нет такого закона, чтобы человек любил человека. Знай: ты любишь только себя. Только себя и других в отношении себя. Иди.

Ветер, холодный, как пустота, бей в спину – так лучше. Так – меньше сомнений, что поступаешь неправильно. Несись же, колыхай деревья, срывай с них последнюю листову, почерневшую и скукоженную, ведь на что она? Ни на что.

Ты, решившийся, не забывай, куда и зачем идёшь. Когда жизнь – средство, это – цель. Родись для этого, живи ради него и умри за это. И никогда не забывай. Пока идёшь, представляй: если не ты, то кто же? Первый встречный? Нет, не

справится. Первый лучший? Возможно, но смог бы ты доверить ему дело, будь у тебя власть, будь ты законом и силой? Вряд ли.

Никогда не отдавай своего. Никогда не делись с тем, кому не веришь. Никому не верь.

Вырежи по коже постулат: только одному лучше, только один выживает. Ты человек, так используй то, что есть лишь у тебя, для себя. Будь гордым и сильным, никогда не щади себя, никогда не проси помощи у других, чтобы не открывать слабые места – по ним ударят. Высмеивай малодушных. Клейми тех, кто хуже тебя, враждуй с теми, кто лучше, если хочешь стать сильнее. Убивай равных, чтобы выжить. Убивай.

Пока идёшь, проверяй металл на груди. Он так же холоден, как при последнем прикосновении? Он так же остёр, как при последней заточке? Держи в памяти: малейшая неточность, и его нужно будет обернуть против себя. Но ты готов. Ты холоден и остёр, как металл на твоей груди. Теперь, когда прошёл все мёрзлые улицы, входи в заветную дверь, поднимайся по лестнице в холодном полумраке, нажимай на звонок. Тебя ждут, тебя хотят, так не бойся же. Та, что в комнате, открой тому, что в холодном полумраке так жаждет света. Тот, что в холодном полумраке, войди. Та, что в комнате, обрадуйся пришедшему. Обрадуйся и закрой дверь на замок, чтобы никто не украл твоего счастья.

Ты, с металлом на груди, пройди в комнату и расположись

так, чтобы не думать о причинах. Сейчас это ни к чему. Ты и сам знаешь, что слишком много размышлял. Поэтому ты здесь. Ты пришёл отдохнуть, ты пришёл дать себе волю, так расслабляйся же, вкушай же дикие райские плоды. Проси её, чтобы воды принесла – жгучей и пряной воды, которая наполнит её такой же жгучей и пряной страстью.

Сам пей глотками. Помни о высшей задаче: ты должен сохранить в сознании всё, что совершишь тут. Только так ты сможешь убедиться, что всё случилось на самом деле. Только так ты сможешь убедиться, что освободился. Только так.

Будь ласков, говори с ней о пустяках, повинись в чём-нибудь. Повинись, но только не всерьёз, ведь раскаяние – самая низкая вещь, которую способен чувствовать человек.

Дождись минуты, когда она сама попросит тебя. Это произойдёт. Подойди же к ней в эту минуту, медленно проведи ладонью по её покрасневшемуся беззаботному лицу, загляни в тёмные влажные глаза и возьми её. Прильни губами к её губам, к её шее, к её строгим оголённым плечам. Вдохни её, одичай на время, бешено утяни за собой её гибкую спину. Чувствуй. Чувствуй, как её волосы щекочут твою напряжённую грудь. Чувствуй, как она упирается руками в твои разгорячённые мышцы. Чувствуй её тёплый смех возле твоей шеи, чувствуй, как она, играя, кусает тебя. Но не давай ей опомниться: срывай с её тела всё, что мешает видеть её первозданный вид. Разве так ходила когда-то Ева, первая и прекраснейшая из женщин? О, нет! Срывай же одежду с той,

что приютила тебя, и люби, люби её!

Позволь ей делать с собой всё, что она захочет – просто потому, что плохого она не сделает. Пусть она ласкает тебя так, как ты ласкал и будешь ласкать её. Пусть она разденет тебя. Пусть она касается тебя. Не думай, что ты слабый, не думай, что пользуешься ей – это всего лишь обмен. Самое сложное – всё ещё впереди.

Когда каждый увидит, услышит и ощутит другого, слейся с ней в единое. Смотри на неё и замечай в ней восхищение тобой, восхищение твоей силой и твоим первенством. Смотри на неё и любуйся собой. Люби её так, как любишь себя. Люби.

Владей ей и не бойся своей дикости. Эта дикость – как раз то, что ей так нравится в тебе. Взгляни на неё: она смотрит на тебя так преданно и так блаженно. Вот её рот медленно искривляется. Она не кричит, но дышит прерывисто и вздрагивает. Остаётся совсем немного: вот она выдыхает, но вместо обычного выдоха раздаётся стон. Тебя уже не удержать: ты всё яростнее, ты всё быстрее и бесстрашнее. Громкие выдохи повторяются. Она начинает изгибаться и сотрясаться, но ты не останавливаешься. Чувствуя судороги, плавно пробегающие по её животу и ягодицам, ты на несколько секунд перестаёшь быть собой. Судороги охватывают и тебя, и ты даже не можешь их сосчитать. Сейчас ты зверь. У тебя нет твоего сознания, характера – только инстинкты.

Однако миг спустя ты снова становишься человеком. Че-

ловеком хладнокровным, внимательным, думающим, понимающим таинство соития как средство, а не как цель. Но теперь тебе некогда думать об этом. Ты снова должен придер- живаться плана.

Ложись с ней и дождись, когда она заснёт – счастливая и уставшая. Крики будут лишними. Теперь встань. Найди свою кофту с большим карманом на груди. Нащупай в ней металл. Он так же холоден, как при последнем прикосновении? Он так же остёр, как при последней заточке? Используй же его по назначению, ты, решившийся на поступок, который рабы морали обзовут преступлением.

Подойди к ней, спящей радостным, детским сном, и воз- неси над ней смертоносный металл. Рассчитай всё так, чтобы она не смогла позвать на помощь. Теперь тихо разбуди её. Ты должен смотреть ей в глаза, когда твоя рука нанесёт послед- ний удар. Та, что впустила в свой дом свободного человека, проснись же! Тот, что решился, исполни же свой долг! Убей.

Твоя рука опускается точно, бесчувственно, и металл про- никает в её слабую нагую грудь. Та, что приняла тебя, раз- мякает: её большие, доверчивые глаза смотрят недоумённо, но в них нет испуга. В них есть лишь смерть, в них есть лишь предчувствие свободы, и в них есть боль. Теперь она не по- нимает тебя. Только через мгновение, когда она умрёт, она будет тебе благодарна, ведь сегодня ты освободил не одного себя. Помни: ты не делаешь ничего плохого.

Сотри кровь с металла. Если захочешь попробовать – не

стыдись. Ничего не стыдись, ведь стыд так же унизителен, как раскаяние. Найди воду и отмой своё тело от багряных пятен: никто не должен узнать. Ни один человек не поймёт и не оправдает твоего поступка, поэтому сокрой всё, что случилось в этот вечер. Сокрой, но будь готов повторить тогда, когда это понадобится. Сокрой, но будь готов.

Проверь, нет ли крови на одежде; если нужно – отмой и её. Теперь оденься, подойди к двери, открой её и ступи в полумрак. «Я всегда был в полумраке, я жил в нём» – скажешь ты. Это так. Но теперь ты ступишь в эту мягкую, всепрощающую тьму свободным. Теперь ты человеком ступишь в неё. Человеком.

Помни: ты не делал зла только потому, что был слаб. Ты не знал, что зла не существует. Ты не знал, что существует только то, что можно объяснить, только то, что можно потрогать. Существует только то, что можно.

В твоей крови когда-то было много неудержимой ненависти, но её связали по рукам и ногам, ведь нет такого закона, чтобы человек любил человека. Однако ты победил, и больше на свете нет ничего, что могло бы напугать тебя, и никого, кто бы смог остановить. Знай: ты любишь только себя. Только себя и других в отношении себя.

Иди. Пока ты идёшь, они ничего не скажут тебе...»

Апатов слушал рассказ, затаив дыхание. Напряжённое спокойствие загадочного повествователя, повелевающего убийцей, сам убийца и их совместный поступок пугали, но

не отталкивали нашего героя. Напротив: они звали его, притягивали, потому что в них было много неизведанного. Когда Паша закончил читать, Апатов встал с дивана и заходил по комнате, сложив руки за спиной и повторяя только одно слово: «Невероятно».

– Я смотрю, ты тронут, если не тронулся, – мрачно усмехнулся Глевский – совсем не как автор, только что прочитавший своё произведение.

– Очень тронут, Паша, потому что это... Это же гениально, дружище, без всякой зависти тебе говорю! Я такого давно не слышал! Жутко, но гениально, а самое главное – правда. Всё, как ты и сказал.

– Так-то, – отрезал Паша, доливая в свой бокал остатки вина.

Вдруг Апатов спохватился: Глевского-то надо было спасти, а не поддерживать. Не то он наговорил, совсем не то... «Но разве Паша не прав? Не-ет, он прав, правее некуда. Что же мне-то делать?.. Он ведь, пожалуй, и несчастный человек, только разубедить его в том, с чем я согласен, это какая-то... глупость? Надо бы с ним просто поговорить. Просто спросить, за спрос ничего не будет...»

Наш герой вздохнул и заговорил:

– Почему, Паша?

Тот повернулся и выжидающе посмотрел на Апатова.

– Почему ты написал об этом?

– Как же почему? Раз написал, значит, и потребность бы-

ла.

– Потребность в таком рассказе?.. М-м. Возможно, я сейчас скажу немного глупо, но... с точки зрения обычного человека, то, что ты описал, – это абсолютное зверство.

– А я ведь в тебе не ошибался, Сёма, – тихо, но сдержанно ответил Глевский. – Ты всё правильно подметил. Это зверство. Но и человек – зверь, разве нет? Так что, «с точки зрения обычного человека», то, что я описал, это абсолютная человечность. Во всей красе, так сказать.

– Но это подмена понятий, Паша, – удивлённо улыбаясь промямлил Апатов.

– Ты Георгию рассказывай про подмену понятий. Тут – вся правда.

– Но если это – человечность, то мы бы уже давно переубивали друг друга...

– Выжили бы сильнейшие. Для вида – хорошо, – отчеканил Паша с непроницаемым, но с первого взгляда самым простым выражением лица.

– Нет, что-то здесь не сходится... – сказал Апатов полушёпотом, но Паша его перебил:

– Пойдём-ка воздухом подышим. Душно здесь стало...

Проговорив это, Глевский поставил бокал на стол, поднялся и вышел из гостиной в коридор. Его скрыла какая-то странная тень от большого выступа, и в этой тени он ходил, как призрак, бестелесный и расплывчатый. Апатову стало не по себе. Он тоже встал, выдохнул и вошёл в загадочный

мрак. Нет, не согрело его вино, даже наоборот: нашему герою стало холоднее. Какое-то предчувствие терзало Апатова, но теперь он отмахивался от него, не желая при Паше думать о заоблачной, неясной судьбе, которой, может, и не было вовсе.

Чтобы заглушить тревогу, Апатов снова заговорил:

– Паша, ты любишь звёзды?

Что-то холодное и тонкое как бы блеснуло в темноте.

– Нет, Сёма, не люблю.

– Почему?

– Отвлекают. Наша беда – здесь, а засмотришься на звёзды, так и проглядишь что-нибудь... важное... Чего стоим?

Паша открыл дверь и пропустил Апатова вперёд себя. С бездвижным лицом повернул ключ в замке. Пошли. Добрели до калитки. Вышли на улицу. И тут Глевский хлопнул себя по лбу:

– Забыл! Надо же ключ в подсобке оставить, отец просил. Не жди, Сёма, иди... Я догоню.

Апатов замутнённым взглядом окинул своего друга и молча кивнул. Слишком много мыслей набросилось вдруг на нашего героя: не до странностей было. Пошёл вперёд, слабо разбирая дорогу.

Очнулся он от странного звука, который показался ему знакомым – где-то сверху пилили и кричали строители. «Разве строят ночью?» – подумал между делом Апатов, продолжая идти. Остановился только тогда, когда оказался воз-

ле дома с нависавшей над тротуаром лоджией. Там и пилили. И там же кто-то громко и неожиданно свистнул, видимо, пытаясь привлечь чьё-то внимание. «Где вы пилите?..» – услышал Апатов грубый возмущающийся голос. И тут уже закричали:

– Навернётся же, мать вашу! Назад, ид...

В этот миг произошло что-то непонятное, что-то, что наш герой пытался себе объяснить прямо сейчас, когда лежал на койке в греческой больнице. Всё затрещало и как-то безучастно надломилось; по стене пошла трещина, и лоджия, нависавшая над ночной улицей, начала отделяться от здания, то есть попросту падать. Апатов успел только поднять голову и удивиться про себя: «Вот он, значит, какой... Конец...». Но нет, это был не конец. Что-то сильно ударило Апатова в спину и оттолкнуло на пару метров. Он упал, раздрав ладони об асфальт, и тут же обернулся на страшный грохот. Бетонная плита. Она должна была обрушиться на него, но под ней лежал кто-то другой.

– Паша... – пролепетал ничего не разбиравший Апатов.

Лицо нашего героя было полно такого безразличия, как будто всё это происходило понарошку.

– Паша, что же ты... Эх! Что же ты натворил, глупый! – опомнившись, только и выговорил Апатов.

Паша лежал, до поясницы придавленный бетонным основанием лоджии. Глаза его были закрыты, но он, казалось, хмурился – стало быть, так выглядело его лицо, когда он ре-

шился спасти своего друга. Однако лицо Паши было не живое, а какое-то восковое, как у скульптуры: ни одна мышца не шевелилась на нём.

Апатов попытался поднять плиту. Не получалось. Тогда он дико, безумно закричал:

– Э-э-э-эй, вы, наверху, вы человека... Вы друга моего убили, спускайтесь сюда!

Апатов не умолкал до тех пор, пока к нему не вышло трое строителей, бледных, как туман, и каких-то сгорбленных. Вместе подняли плиту, вызвали полицию, скорую... И лишь под утро, когда наш герой дал все показания, освободился и уже подходил к своему дому, он понял одну страшную вещь. Это ведь из-за него Паша погиб. Апатов отошёл с тротуара и лёг на холодную мокрую землю, подставляя лицо лучам восходящего солнца.

Эпилог

В палате наконец-то стало тихо. Постоянно переговаривавшиеся соседи-греки заснули, да и докучливые машины под окном стали ездить не так часто. Только иногда за стеной слышалось, как шепчутся и ходят медсёстры.

Апатов всё так же лежал и думал, перебирая в голове чётки событий. «Глевский...» – вспоминал он. – Какой же ты дурачок был, Глевский! Дурачок, и всё-таки... Всё-таки поумнее моего. Поумнее и потвёрже. Раз в десять потвёрже, чёрт тебя дери! Куда же ты полез... Я ведь как чувствовал, что с этим рассказом что-то не так. Не так и не то ты придумал, дружище. С кем это я говорю? С покойником, что ли? Ха-ха! Пожалуй, что и так...

Но правда, тысячу раз правда: о чём он думал, когда нож с собой взял перед тем, как спасти меня? Да ведь ты и сам знаешь, Сёма, что тебя убить хотели... Заколоть, как свинью. Потому что ты равный, Сёма, потому что ты всё понял и против пошёл, разубеждать начал».

– Разве? – вслух спросил Апатов. – Как же я мог разубеждать, когда я согласился со всем, что Паша тогда прочитал. Я всё принял, всё...

И тут он открыл глаза: его осенило. Ну конечно, он, Апатов, всё принял и даже не захотел разубедиться. «С этого-то всё и началось! Да, да!»

О чём так сожалел наш герой в эту минуту? О, он снова вспомнил одну деталь, которую когда-то объяснил себе, казалось, окончательно. После того, как с тела Глевского подняли плиту, Апатов подошёл к нему и внимательно всё осмотрел. Пашины ноги были переломаны и раздавлены, а на поясице образовалась как бы вмятина – след от рухнувшего бетона. Вокруг валялись серые рыхловатые камешки. Как раз среди них Апатов вдруг заметил что-то знакомое, холодное и тонкое. Что-то, что сверкнуло тогда, в тёмном коридоре, в руках его приятеля. Апатов подошёл, нагнулся и подобрал хороший острый нож.

– Ваше? – спросил он тогда строителей, показывая находку.

– Нет, не наше.

«Значит, Глевского», – подумал наш герой. – «Что же ты хотел сделать, Паша? Неужели, меня зарезать где-нибудь в тёмном переулке?.. Может, и так. Но зачем тогда спас?»

И Апатов тут же вспомнил разговор про самопожертвование. Конечно, всё было ясно: Глевский спас его, чтобы не жить самому и так, на всякий случай... Потому, что «хорошая смерть – это, может, путёвка в рай». Лучший, так сказать, исход. Но почему же Апатов не подумал и о другом?

Сейчас, лёжа в койке, он отчего-то жутко винил себя в этом: «Да, я знаю, что это очевидно, но... Почему я даже не захотел оправдать его? Почему?! Ведь он и по-другому думать мог, по-другому! Он мог отступить от своей идеи, он

мог спасти меня, потому что любил меня как единственного друга! Друга, который так легко поверил... в его предательство... Да-а... Дерьмовый я человек, пропащий. И Паша прав был, прав насчёт всего.

Но что если не в Паше дело? Что если всё началось с другого, скажем... ещё с Кати? Ещё с Кати... Боже!.. Опять Глевский прав, он опять прав!..»

– Это же та самая «животная черта», которая жизнь под откос пустила, ха-ха-ха! – тихо сказал Апатов и засмеялся так отчаянно, что его смех можно было спутать с плачем.

Как много раз он возвращался к часам, проведённым с ней – уже не желанной, но такой далёкой и светлой. Теперь она осталась воспоминанием. Но воспоминанием о времени, когда Апатов умел чувствовать жизнь. Пускай не так, как нужно, не так, как ему советовал Гоша, но он чувствовал и он жил. Жил чем-то, жил для чего-то. Нет, он никогда не был с ней в любовных, так сказать, отношениях, но нужно ли это, чтобы по-настоящему привязаться к человеку? Увы, для природы ответить на этот вопрос было бы слишком легко.

Апатов вспомнил последнюю встречу с Катей. Через год после «недели самых холодных отношений» они немного сблизились, иногда даже разговаривали, как друзья. И в тот день они шли и разговаривали, как будто и в самом деле были добрыми приятелями.

– Везёт тебе, дружок, – говорила Катя, шагая так быстро, что даже длинноногому Апатову приходилось успевать

за ней. – Полмира облетел, везде с водителем ездить. Где вот он сейчас?

– Думаешь побыстрее приехать и отделаться от меня? – съязвил Апатов.

– Как ты угадал? – в ответ пошутила Катя.

– А почему ты думаешь, что людям с багажом путешествий и водителем хорошо живётся? – спросил наш герой после недолгого молчания.

– Шутишь?

Катя смешливо посмотрела исподлобья.

– Нет, вполне серьёзно.

– Странно будет это объяснять... Но я просто задам вопрос: почему им должно жить плохо?

– Ну хотя бы потому, что они не могут общаться на равных с некоторыми... с теми, с кем бы им хотелось общаться. Вот я хочу стать хотя бы твоим другом, но ты никогда не примешь меня. С чего бы это? Не потому ли, что ты обычная девушка из обычной семьи, а я тот самый человек, который облетел полмира и везде ездит с водителем? Ха-ха.

– Я думала, мы друзья... И с чего ты взял, что я не принимаю тебя? По-моему, мы хорошо общаемся.

Катя смотрела ровно вперёд, но Апатов исхитрился заглянуть в её глаза: они были спокойны, чуть злы и даже равнодушны ко всему окружающему. В них он прочитал: «Глуп же ты, приятель... Глуп и молод».

– Да ты и сама знаешь, что всё не так, – проговорил наш

герой.— Но давай сменим тему, мне тоже не хочется спорить об этом.

— О чём тогда будем вести наш прекрасный разговор?

— О пустяках, как и все друзья...

— Ну если о пустяках, то у меня день рождения скоро.

Хочу в баре всех собрать и напиться, как... Короче, сильно напиться. Приятно, что это можно будет сделать, наконец, законно, и никого не просить, чтобы что-то там купили...

Кстати, ты бы пришёл, если бы я позвала?

— Будто ты не знаешь,— ответил Апатов и потом добавил:

— Хотя, честно говоря, я бы не хотел идти.

— Почему же? — удивлённо и почти весело спросила Катя, на этот раз повернувшись к Апатову лицом и посмотрев на него выжидающе.

Тот тоже поглядел на неё — очень внимательно, как будто запоминая.

— Потому что не верю я тебе, Катя. Измучила ты меня.

«Да, да, это оно, оно!» — радостно думал наш герой, лёжа на своей койке.— «Всё после этого разговора поменялось. Я от всех ушёл, всех бросил... Только Радин со мной был, но разве от него отобьёшься? Ходил всё, исправить меня пытался... И ведь действительно, только Гоша пытался меня исправить. Но был ли он? Был ли Гоша на самом деле? Был ли Паша на самом деле? Или вся моя жизнь прошла лишь у меня в голове? Прошла...

И впрямь прошла: я ведь наверняка умру сегодня. Но...

но не может такого быть, чтобы она просто и бесследно сгинула, чёрт бы её взял! Что было в моей жизни такого стоящего, что? Одно разочарование было... Хотя вот, знаменитым стал: "Военный корреспондент Семён Апатов!" Но зачем мне эта знаменитость? Да плевать я на неё хотел, когда под танки лез. Я же лез не за этим... А зачем же ты лез, Семма, зачем? Отвечай!

Да затем ты лез, чтобы подохнуть, как и твой безумный дружок Пашка Глевский. Вот и весь секрет! Сам же я написал эту треклятую поэмку. Как там было?...

“Данность”

*Улица. Здесь,
У хрущевских домов,
Возле окошек и лавок
Плавился весь
Худосочный улов
Всяких беспечных затравок.*

*Здесь же, внутри
Заурядных фигур,
Шли против улицы двое.
И говорил
Молодой балагур
Спутнику что-то такое:*

Балагур.

– Злишься? На что?
Расскажи, в чём же толк?
Что-то тебя не пойму я...
Это смешно!
Вот подумай: ты зол
К реальности...

Спутник.

– Дай растолкую.

Это, поверь,
Лишь одно не смешит
Наших смешливых людишек.
Вот и пример:
У слабейшей души
Есть этот гадкий излишек:

Всюду, представь,
Разудалая масть.
Ходят, смеются. Счастливы.
Ты лишь прибавь:
Одному тут не владеть.

Бродит бесцельно, плаксивый.

Глуп и убог

Он покажется всем,

Даже таким же печальным.

Балагур.

– Где же исток

Этих хитрых дилемм?

Где же ответ?

Спутник.

– За отчаяньем.

Sapiens – зверь,

Он желает тепла,

Хочет банального блага

Только себе.

На такие дела

Ното толкает отвага.

Но не у всех

Достаёт до конца

Этой отваги на дело.

*Дальше – лишь смех,
Или злоба борца,
Или тоска без предела.*

*Сам посуди,
Что достойней для нас.
В злости движенье не стынет.*

Балагур.

*– Это, поди,
И умно, но подчас
Злиться на что? И поныне*

*Вроде живём,
И безбедно вполне.
Где же тут повод злоблудить?
Тяжкий ярём
Не несём на себе.
Вроде обычные люди...*

Спутник.

*– Выдь-ка во двор
И пройди по прямой,
Вглубь плесневеющих улиц.*

*Зданий забор
За бетоном немой,
Вдоль пробегают, сутулясь,*

*Стаи людей.
Уж наверно глупы.
Вряд ли уловят мыслишку...*

Балагур.

*– Ну лицедей!
Ты и сам из толпы,
Сам ты...*

Спутник.

– Я сам из людишек.

*Да, это так,
Но любой человек
К всякой судьбе приспособлен.
Даже простак
Возглавляет набег,
Если он силой особен...*

Так, ты отвлѣк.

Погоди, где же я?..

Точно – закончил на людях.

Мир недалёк,

Он одно возжелал:

Спать, не копясь до сути.

Всюду киоск:

Кабаки и цеха

По производству загвоздок.

Дышит погост,

И походкой плоха

Мысль, полнящая воздух.

Чувствовал ты

Хоть когда-нибудь, вдруг,

Будто живёшь не на месте?

Будто пусты

За телами вокруг

Лица душевных отверстий?

Будто пусты

Все дома и тома,

Сношены все идиомы?

Чувствовал ты,

Что какой-то обман

За очевидным заломан?

*Словно одной
Заменяют мильон
В толще таких же теорий?
Как неродной,
Ты попал в свой же сон...
Знаешь ли ты, что такое...*

*Вижу, что нет,
По глазам: хоть бы хны.
Может, оно и спокойней.
Вот мой привет:
Я хотел бы войны,
Чтобы в общественной бойне*

*Всё до низов
Погорело в котле
Поиска новых устоев...*

Балагур.

*– Стоящий зов!
Но синеть на петле
Будет, кто это устроит.*

Да и к чему?

*Хоть однажды соврут,
Есть ли нужда не мириться?
Ждёте войну...*

Спутник.

*– Вот и ты тоже, Брут...
Ладно, всё вздор говорится.*

*Лучше гляди:
По бокам у стены
Зелень цветёт и густеет.
А впереди
За асфальтом видны
Сквера прямые аллеи.*

*Если уйдёт
Этот мир от костра,
То при подмоге природы.
Лучший исход.*

Балагур.

*– А вот в этом ты прав.
Были бы силы и годы!..*

Какая же я жалкая гнида, Господи... Нет, Пашка Глевский, ты совсем не прав, совсем не прав. Единственный, кто прав был – это Радин. Почему же я его не слушал и жизнь так губил?.. Вот она, расплата, и пришла, ха-ха.

Ты же, Гоша, как-то раз сказал мне: "Чтобы стать добрым, нужно узнать зло"... Я тогда был ма-аленьким, ничего не понял, а сейчас я понимаю, понимаю! Нет, Гоша, ты умнее Глевского, ты совсем не дурак... Как я раньше этого не видел?

Ты показывал мне, куда идти, но я не слушал и не хотел слушать, и в итоге... как и ты, выстрелил. Хотя нет, не так, не так! Я хуже сделал! Чтобы выстрелить, надо решиться, а я... Мне даже решаться не надо было. Почему я не спас эту женщину, Господи, почему?»

Апатов уже не понимал, размышляет он или говорит, смеётся или плачет – он знал только то, что впервые в жизни его посещает истинное озарение.

«Господи, я ведь уже к тебе обращаюсь, ты слышишь? Я, кажется, поверил. Ещё недавно я спрашивал, какая разница, есть ты или нет тебя... Но теперь я нашёл ответ».

– И каков же он? – вопрошал гигантский белый человек, вошедший в палату через окно и светившийся таким ярким, жизнерадостным светом, что Апатов жмурился и улыбался.

– Он таков, что ты – это наша душа. Как же мы можем полюбить кого-нибудь, когда не верим в душу?

– Но есть же и простая любовь, современная, страстная,–

отвечал гигантский белый человек, медленно превращаясь в Гошу.

– Это не то,– проговорил Апатов умилённо.

– Значит, ты понял...

– Можно спросить?

– Спрашивай, конечно.

– Почему добро никого не искушает?

– Ты же и сам знаешь ответ, Сёма. Если бы добро искушало, в нём бы не было свободы. Разве такое добро хорошо?

– Нет!

– Живи, Сёма, и будь счастлив...

После этих слов свет, исходивший от Гошиного силуэта, засиял невыносимо, и Апатов закрыл глаза. Когда открыл, в комнате стало тихо и темно. Он вскочил с койки и подбежал к окну, но и на улице не было ничего особенного.

Только отвернувшись от стекла, отражавшего рыжий фонарь, Апатов понял, что снова может ходить. Он вернулся на койку, лёг, немного поворочался, а потом взял с тумбочки пустой стакан. Медленно обернул его в одеяло и тихонько стукнул об пол. Расколол. Развернул дребезжащий кулёк и достал из него самый длинный осколок. «Хороший получился, почти как Пашин нож»,– подумал Апатов и, поднеся его к запястью, разрезал себе вену, а затем проснулся в ужасе и холодном поту, спрыгнул с койки и остался на ногах.

– Буду жить, даже если снова отнимутся,– прошептал он и уже не ложился.

На утро к Апатову зашли Гоша и главврач. Увидев своего лежачего пациента расхаживающим по палате и напевающим что-то себе под нос, последний высоко закинул голову и расхохотался так искренне, что даже недоумевающий Радин изобразил нечто похожее на улыбку.

– I think it works, – сказал он, наконец отсмеявшись.

– Ах ты, шарлатан! – в шутку разозлился Апатов, а потом подошёл к главврачу и обнял его. – You did the right thing, thank you.

Через неделю Апатова выписали. Он вышел из больницы вместе с Джорджосом, вдохнул тёплый пыльный греческий воздух и улыбнулся. Это было счастье, но не простое и детское, как когда-то у озера, а взрослое, выстраданное и осознанное.

– Ну что, Гоша, куда ты теперь? – вдруг заговорил наш герой. – Может, обратно в Россию, в Петербург? Вместе поедем...

– Да я и сам думал, Сёма...

– А почему не вернулся?

– Страшно было. Пригрелся и остался... Тут же, как в монастыре: далеко от всего, спокойно...

– Ну ты это брось. Я только сейчас выздоровел, и мне наставник нужен.

– Да какой из меня наставник, – скромно усмехнулся Радин.

– Хороший, Гоша, хороший! – ответил Апатов. – И, пони-

маешь ли, есть у меня один вопрос, на который только ты мне сможешь ответить. У меня сейчас вообще много вопросов. Вот скажи, как жить и делать хорошее после того, как сделал столько плохого?..

Они сели в машину. Стрелка на часах Гоши показывала половину девятого. Под кукование каких-то птиц с моря налетал лёгкий свежий ветер и качал тёмно-зелёные листья пальм. Начинался новый день в жизни Апатова. День, который наш герой хотел прожить с пользой, в жизни, которую он смог полюбить.